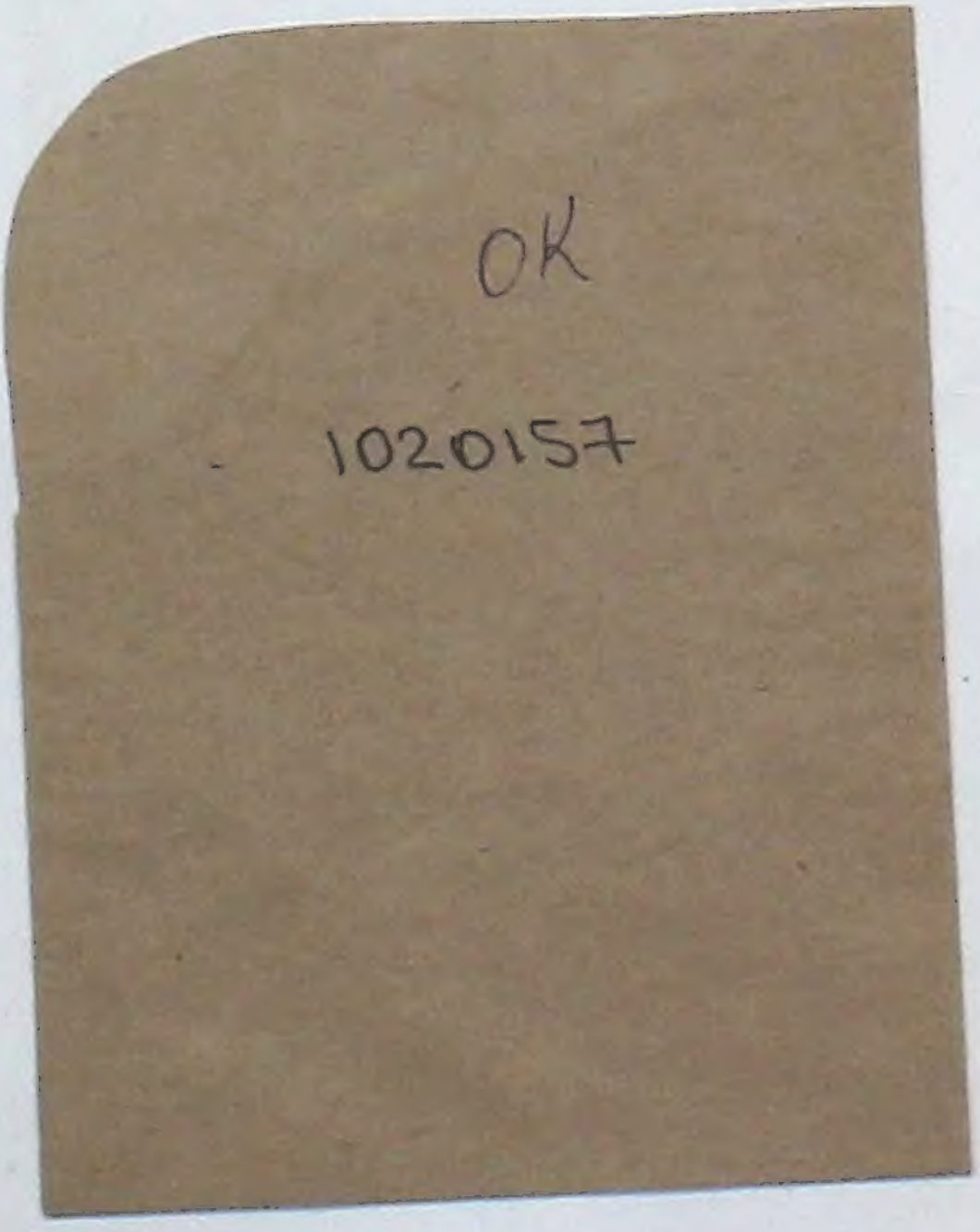
83,3(2Рос=Рус)1л6кр
А 80

Арзамасцев В.П.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ - УСАДЬБА В.Г. БЕЛИНСКОГО


OK
1020157

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МУЗЕЙ-УСАДЬБА
В. Г. БЕЛИНСКОГО

В. Г. Белинский. Портрет работы Н. Мартынова (1838 г.)

83.3(2Рос=Рус)1л6кр
А80

В. П. АРЗАМАСЦЕВ,
Е. А. ГРАЧЕВ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ-УСАДЬБА В. Г. Белинского

САРАТОВ
ПРИВОЛЖСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕНЗЕНСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1985

87.3(2)
А 80

Рецензент: *В. С. Мышинский,*
член Союза журналистов СССР.

1020157
Пензенская Облас.
БИБЛИОТЕКА
им. М. Ю. Лермонтова
2019

Арзамасцев В. П., Грачев Е. А.
А 80 Государственный музей-усадьба В. Г. Белинского: Путеводитель. — Саратов: Приволж. кн. изд-во (Пенз. отд-ние), 1985. — 128 с., ил.

Краткий путеводитель по мемориальному комплексу. Авторы раскрывают истоки формирования мировоззрения В. Г. Белинского, показывают роль чембаро-пензенской среды в становлении свободолюбивых взглядов будущего литературного критика и революционного демократа.
Издание рассчитано на широкий круг читателей.

А $\frac{4403020000}{153(79)-85}$ 87.3(2)

© Приволжское книжное издательство, 1979.
© Приволжское книжное издательство, 1985, исправленное и дополненное.

Имя Белинского навеки вписано в славную историю нашей Родины. Он с нами, и он войдет в жизнь будущих поколений советского народа.

«Правда», 7 июня 1948 г.

В самом центре города Белинского (так называется бывший Чембар с 1948 г.), районного центра Пензенской области, выделяется один квартал. К нему постоянно течет огромный людской поток, подъезжают автобусы и автомашины. Квартал ограничивается улицами Барышева, Лермонтовской, Коммунальной и той, что носит имя великого литературного критика, мыслителя и общественного деятеля. Большую часть этого квартала занимает территория Государственного музея-усадьбы В. Г. Белинского. Единственный в стране музей, посвященный критику, был открыт в мемориальном домике семьи Белинских в 1938 г. В последующее время музею были переданы другие здания, значительно расширена его территория. На улице Белинского по-прежнему стоит скромный мемориальный домик, рядом с ним ведутся большие ремонтные работы в старинном особняке, когда-то принадлежавшем богатому чембарскому купцу Антюшину. На улице Лермонтовской находится здание Чембарского уездного училища, тесно связанного с именем критика. Вход в музей — с улицы Барышева, на которой расположен экскурсионный павильон: здесь производится оформление экскурсий.

В последние годы мемориальные здания тщательно реставрированы, здесь открыты новые экспозиции. Материалы, представленные в них, органически сочетаются с самими историческими памятниками: действующие

экспозиции освещают в основном чембаро-пензенский период жизни критика. Размещенная в мемориальном домике экспозиция называется «Семья Белинских», в уездном училище — «Юность неистового Виссариона». Экспозиции созданы в 1976 и 1977 гг. коллективом сотрудников Объединения государственных литературно-мемориальных музеев Пензенской области: В. П. Арзамасцевым, Е. А. Грачевым (авторы научной концепции и тематико-экспозиционных планов), В. И. Лушниковым — и художниками Пензенского художественного фонда Е. И. Соколовым и В. И. Чернышовым (архитектурно-пространственное решение и художественное оформление).

На пензенской земле, «в глуши провинции», прошли детские и юношеские годы Белинского, здесь были заложены основы его взглядов на жизнь и литературу.

В старинном большом особняке XIX века, когда-то принадлежавшем чембарскому купцу Антюшину, размещается экспозиция о литературной и общественной деятельности Белинского. Здание не связано с жизнью семьи Белинских, но оно расположено рядом с мемориальным домом и входит в общий архитектурный ансамбль музея. Почти две тысячи экспонатов показано в ней. Экспозиция подготовлена авторским коллективом в составе В. П. Арзамасцева, И. А. Гераськина, Е. А. Грачева, Н. А. Кугель и художника Московского комбината декоративно-оформительского искусства В. А. Орбачевского.

Содержанием экспозиции стала кипучая деятельность Белинского как великого литературного критика, глубокого мыслителя и страстного борца за передовые идеалы эпохи. Она называется «Я в мире боец». Так говорил о себе сам Белинский.

1

I. СЕМЬЯ БЕЛИНСКИХ

Хочется вздохнуть воздухом родины, взглянуть на места, где провел детство, где «много милого любил, где обнял грозное страданье», хочется побеседовать с вами, милыми сердцу.

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

Поздней осенью, в последних числах ноября 1816 г., в город Чембар Пензенской губернии приехал новый уездный лекарь Григорий Никифорович Белынский. Вместе с ним прибыли жена Мария Ивановна, дети: Виссарион, Константин и Александра. Переезд в Чембар не был для Г. Н. Белынского случайным: он возвращался в родные места, которые покинул 12 лет тому назад. Он родился в 1784 г. в Нижнеломовском уезде, в селе Белынь, от которого получил свою фамилию. Впоследствии его сын Виссарион, великий мыслитель и литературный критик, изменил в ней одну букву *.

Г. Н. Белинский был образованным врачом: поступив в 1804 г. в Петербургскую медико-хирургическую академию, он в 1809 г. был выпущен из нее кандидатом медицины, затем семь лет прослужил в русском военном флоте на Балтийском море, участвовал в вой-

---

* Ниже в путеводителе везде принято наименование членов семьи критика «Белинские», кроме тех случаев, когда в цитируемых документах встречается первоначальное написание фамилии.

нах с наполеоновской Францией. В 1816 г. он вышел в отставку.

В Пензенской губернии по-прежнему проживали его отец Никифор Трифонович, братья Кузьма и Андрей, сестры Ксения и Мария, их многочисленные дети и внуки.

В Чембаре семья Белинских купила небольшой дом на Базарной площади, который «Ведомость об описи и оценке домов за 1818 год» охарактеризовала как «штаб-лекаря Григория Белынского со всем строением и усадебным местом — 500 рублей — доходу никакого». В этом доме, состоящем из восьми комнат, В. Г. Белинский жил безвыездно до августа 1825 г., когда он поступил учиться в Пензенскую гимназию. Затем в родной дом В. Г. Белинский наведывался не реже трех раз в год: на рождество, пасхальные и летние каникулы — до 1828 г. С декабря 1828-го по конец августа 1829 г. будущий критик, уйдя из гимназии, здесь готовился к поступлению в Московский университет. Последний раз Белинский навестил дом родных летом 1830 г. студентом, приехавшим на «вакации». В общей сложности с чембарским домом связана почти треть жизни В. Г. Белинского, в Чембаре сформировался его характер, здесь он выучился читать и писать, познакомился с русской и мировой литературой, наблюдал жизнь уездного дворянства и чиновничества, имел возможность сравнить ее с существованием русских и мордовских крестьян, приходивших лечиться к его отцу. Здесь сформировалось то отношение к народу, которое афористически выразилось в словах критика: «Я душевно люблю русского человека и верю великой будущности России».

Дом, в котором Белинский провел детство и юность, знал трудные времена. После смерти родителей критика (мать скончалась в августе 1834 г., отец — следующим летом) в доме остались жить их дети Константин и

Дом, в котором прошли годы детства и юности
В. Г. Белинского

Александра, но ненадолго: в мае 1837 г. они продали его вдове чембарского чиновника Н. И. Агринской. В 1858 г. Агринская перепродала дом купеческой семье Антюшиных, владевшей им до самой революции. Вплоть до установления Советской власти в Чембаре в мемориальном домике Белинских размещался трактир и номера для приезжающих. Попытки передовой интеллигенции Чембара выкупить домик, чтобы устроить в нем библиотеку-читальню имени своего великого земляка, не увенчались успехом, так как купец Антюшин, не желая расставаться с доходным домом на бойком для

торговли месте, запросил за него непомерную сумму в 10 000 рублей.

Открытие дома-музея на родине критика состоялось в июне 1938 г. благодаря содействию Н. К. Крупской и стараниям местного энтузиаста А. Н. Храмова. Для создания первой экспозиции были найдены у родственников семьи Белинских некоторые мемориальные вещи, часть мебели закупили у чембарских старожилов, часть передали московские музеи.

В 1973 г. была закончена полная реставрация дома, были устранены те изменения, которые внесло время в его внешний вид и внутреннюю планировку. Скромный деревянный домик, крытый тесом, с оригинальной башенкой-светелкой стал ценным историческим памятником. В переписке критика с родными упоминались прихожая, кабинет, гостиная, или горница, спальня, столовая, буфетная, детская, кухня, приемная для больных — в этих комнатах теперь размещается мемориально-бытовая экспозиция «Семья Белинских». Она была открыта 5 июня 1976 г. Ее созданию предшествовала большая научная работа сотрудников музея: изучены сохранившиеся во многих архивах документы, прежде всего переписка В. Г. Белинского с родными (известно 11 писем критика в Чембар и 127 писем его родственников за 1829—1848 гг.), сведения, зафиксированные мемуаристами, хорошо знавшими семью чембарского уездного лекаря (Д. П. Иванов и Н. Н. Щетинина) или близких к ней людей (П. К. Шугаев, Н. Рыбкин, М. Н. Храмова). «Перекрестная проверка» позволила выявить достоверные подробности о жизни семьи Белинских, ее материальном положении, культурных интересах, многие бытовые детали. Ценнейшие сведения содержатся в критических статьях и рецензиях самого В. Г. Белинского, где приводятся его заметки-воспоминания о доме, усадьбе, любимых книгах, «местах, где провел детство». Много интересных материа-

лов о врачебной деятельности Г. Н. Белинского хранится в Государственном архиве Пензенской области. Чембарский период жизни В. Г. Белинского также подробно освещался и в работах советских литературоведов, прежде всего стоит назвать фундаментальную книгу **В. С. Нечаевой** [1].

Через предметы обстановки, быта, вещи эпохи, книги, рукописи и документы *, собранные благодаря кропотливой работе, в экспозиции воссоздается достоверная картина жизни семьи уездных разночинцев, объясняющая многие обстоятельства, способствовавшие формированию чувств и мыслей будущего знаменитого литератора.

Теперь, как и 160 лет тому назад, посетители поднимаются по крылечку на веранду и входят в переднюю, из которой одна дверь ведет в приемную для больных, другая — в рабочий кабинет Г. Н. Белинского. «На крыльце дома встретили нас Александра Григорьевна и Никанор... — сообщал подробности своего посещения семьи друга Д. П. Иванов 11 сентября 1834 г. — В передней нам представилась встреча совсем другая... из кабинета вышла бабушка Мария Ивановна...» * Сейчас посетители могут увидеть в передней старинное зеркало, рядом с которым стоят два стула, когда-то находившиеся в этом доме.

[illegible] для больных

Уездный лекарь принимал больных на дому: в первые годы его службы в городе не было никакой больницы. Сначала прием проходил в кабинете, но было неудобно и небезопасно всех больных, в том числе и

---

* Рукописи и документы представлены в коротком виде. Мемориальные вещи в путеводителе не выделяются особо, предметы эпохи отдельно не оговариваются.

заразных, пускать в жилые комнаты, поэтому пришлось пристроить специальное небольшое помещение.

Характер деятельности Г. Н. Белинского был сложен, за неимением врача ему приходилось обслуживать кроме своего еще и Керенский уезд. А больных хватало и в Чембаре. «Милый мой Виссарион Григорьевич... желаю тебе настоящего здоровья, более недосуг писать, четверг, народу пропасть» — так в спешке закончила свое письмо М. И. Белинская 3 марта 1832 г.

По четвергам, в базарный день, в уездном городе собирались толпы крестьян, и прямо с рыночной площади многие из них со своими недугами шли через дорогу к домику лекаря и встречали с его стороны самый радушный прием. «Григорий Никифорович, — свидетельствовал Д. П. Иванов, — оказывал им не только личные услуги своим опытом и знаниями, но очень часто снабжал безвозмездно лекарствами и деньгами для содержания» [3].

Врачебная практика не ограничивалась только Чембаром, многочисленные случаи и служебные дела вынуждали лекаря постоянно разъезжать по всей округе, об этом напоминает посетителям дорожная шкатулка с набором медицинских инструментов. И вряд ли кто так хорошо знал теневые стороны провинциальной действительности, как Г. Н. Белинский. Ему приходилось постоянно видеть личные и общественные страдания, горе слабых и произвол власть имущих. Немало чог узнать от него и сын Виссарион.

В официальной «Инструкции о должности уездного врача», которая была прислана пензенской врачебной управой вместе с книгой «Полицейская и судебная химия для руководства при полицейско-врачебных и судебно-химических следствиях», о помощи больным не упоминалось вообще. Главные функции — чиновничьи и полицейские. Вот одно из свидетельств о смерти человека, составленное Г. Н. Белинским: «1823 года, ноября

21 дня чембарский штаб-лекарь Белынский по сообщению чембарского городничего Лозового свидетельствовал обще с оным и уездным стряпчим Васильевым скоропостижно умершего крестьянина г-на Богданова Абрама Алексеева, на теле которого по осмотру наружных знаков к отнятию жизни не оказалось, кроме изнурения оного... и смерть ему последовала от слабости сил, приличной престарелому мужу, имевшему около 65 лет...».

Абрам Алексеев, умерший от истощения крепостной человек, принадлежал помещику села Балкашино Богданову. Спустя три года балкашинские крестьяне, выведенные из терпения нищетой, а также издевательствами своего хозяина, попробовали искать справедливости у уездных и губернских властей. Волнение в селе Балкашино было подавлено воинской силой.

О лекарских обязанностях Григория Никифоровича говорят и три находящиеся в его приемной лубочные картинки, пропагандирующие оспопрививание. Смысл их был понятен и неграмотным крестьянам. На одной из них изображены две группы детей: в первой стоят дети с обезображенными оспой лицами, во второй — здоровые и красивые ребята: им была сделана **прививка коровьей оспы.**

Г. Н. Белинский не только сам занимался оспопрививанием и пропагандировал его, но и готовил себе помощников, чтобы оказать помощь наибольшему количеству людей. В рапорте пензенской врачебной управе можно прочитать: «По городу Чембару и округе оного привито предохранительной оспы с 1-го мая по 1-е июня месяца июю шестнадцать, старшим лекарским учеником Герасимовым сто семьдесят две, керенским лекарским учеником в городе и уезде оного старшим Матвеевым двадцати трем, младшим Павловым семидесяти трем младенцам, и о чем сим честь имею рапортовать. **Штаб-лекарь Белынский».**

Кроме своих непосредственных обязанностей Г. Н. Белинский вел наблюдения за погодой, состоянием посевов, следил за сезонными изменениями в природе. В «учиненной им медико-физической ведомости за 1823 год», приложенной к рапорту врачебной управе от 15 ноября 1823 г., содержатся интересные сведения: «Зима умеренно холодная, и самые большие стужи простирались до 25 градусов, самое нижнее состояние барометра до 4 градусов, снег шел 18 раз. Весна. Дождей было 6 раз, громовых ударов 3 раза Лето. Жаров было 23 градуса и продолжались, начиная с половины июня до сентября месяца, дождей было 2 раза, громовых ударов 2 раза. Осень была сухая, теплая, дождей было 3 раза, туманов 11 раз, громовых ударов не было. От других годов осень отличается необыкновенною сухостию и теплотою. Замерзание рек произошло ноября 5 дня. Состояние урожая было весьма изобильное, яровые, кроме худого урожая греч, были посредственны. Съестные припасы в хорошем изобилии. Штаб-лекарь Белынский».

Из приемной крутая узкая лестница ведет в небольшую башенку-светелку, высоко поднимающуюся над домом. В ней и проводил свои метеорологические исследования чембарский уездный штаб-лекарь.

Кабинет Г. Н. Белинского

Многие черты личности и характер Г. Н. Белинского раскрывает экспозиция его рабочего кабинета. Обстановка его скромна: письменный стол, шкаф для книг и медицинских принадлежностей, несколько простых кресел и стульев, характерных для провинции.

На письменном столе рядом с мемориальными вещами Г. Н. Белинского — принадлежавшими ему бронзовой чернильницей в форме статуэтки, изображающей морского повара, и счетами — лежит любимая его кни-

Кабинет Григория Никифоровича Белинского

га «Романы и повести г. Вольтера», изданная в Петербурге в 1805 г., документы, характеризующие его деятельность, часть переписки с сыном Виссарионом. Рядом на стене висят портреты любимых писателей: Вольтера, Ломоносова, Юнг-Штиллинга.

Есть документы и на полках книжного шкафа. Один из них — формулярный список за 1823 г., собственноручно составленный Г. Н. Белинским, кратко излагает всю биографию отца критика. Рядом — серебряная медаль, полученная за участие в войне с Наполеоном. В формулярном списке об этом говорится: «В 1812 году на гребной флотилии рейс имели от Свеаборга до Риги, а от оной до Митавы, где находился в сражении против неприятельских батарей, за что и получил серебряную медаль на голубой ленте».

Друг и родственник критика Д. П. Иванов дает такую характеристику Г. Н. Белинскому: «Природный ум и доступное по времени образование, естественно, ставили его выше малограмотного провинциального общества. Совершенно чуждый его предрассудков, притом склонный к остротам и насмешке, он открыто высказывал всем и каждому в глаза свои мнения и о людях, и о предметах, о которых им и подумать было страшно. В религиозных убеждениях Григорий Никифорович пользовался репутацией Аннуса Федоровича, с тою только разницею, что не один городничий, но и все грамотное население города и уезда обвиняло Григория Никифоровича в неверии во Христа, нехождении в церковь, в чтении Вольтера, Эккартсгаузена, Юнга — любимых писателей Григория Никифоровича. Все эти обстоятельства заставляли избегать сообщества с врачом, не доверять ему лечения, особенно психических болезней, происходивших вследствие желчного раздражения против провинившихся супругов, вследствие ханжества и ипохондрии. Недоверчивый и подозрительный в высшей степени, Григорий Никифорович смело обли-

чал притворство, неохотно принимался за лечение и даже прямо отказывался от исполнения своих обязанностей там, где болезнь не угрожала видимою опасностию и где могли обойтись домашними средствами и без его попечений» [4].

О хорошей профессиональной подготовленности и широких культурных интересах Г. Н Белинского говорят выставленные в шкафу вещи и книги. Здесь много медицинской литературы, для обозрения открыты «Врачебное веществословие, или Описание целительных растений, во врачестве употребляемых» (Санкт-Петербург, 1783) с гравированным портретом Екатерины II, газета «Друг здравия, или Народно-врачебная газета» (№ 4, 1835) Есть четыре медицинских инструмента, изготовленных полтора века тому назад, — подобными пользовался чембарский уездный лекарь. Ступка для растирания мазей, флакон и две бутылки для лекарств, на одной из которых указана дата изготовления — 1820 г., найдены в подвале дома во время реставрационных работ На верхней полке шкафа стоит книга под названием «Житие Петра Великого» (Москва, 1788). На той странице, где она открыта, имеется автограф владельца. Перевертывая листы, он расписался еще на нескольких: «Из книг штаб-лекаря Белынского».

Отец критика был намного выше убогой среды уездных чиновников и мелкопоместных дворян. Решительный и независимый характером, он не боялся вступать в резкие столкновения с богатыми помещиками. Об остром конфликте Г. Н. Белинского с влиятельным помещиком П. А Мосоловым, чембарским уездным судьей, сообщала 10 декабря 1832 г. сыну М. И Белинская: «Петра Александровича отдали в уголовную по ершовскому делу, а он был до этого немножко нездоров, а как услышал, то и более его поразило Его требуют для ответа в Пензу, он сказался больным, нашего отца наряжают свидетельствовать, поехал, на-

Пензенская Област[...]
БИБЛИОТЕ[...]
им. М. Ю. Лермонтова
1.001157

[illegible] свидетельства, [illegible] за [illegible] [illegible], [illegible] больной не [illegible]. [illegible] Анна Петровна и уго-[illegible] [illegible] приходят за [illegible], [illegible] отговорился, не [illegible] ничто не [illegible]. Анна Петровна [illegible] из ко-[illegible]. Не думаешь ли ты, что он [illegible]? — Ничего не [illegible]. Теперь посуди [illegible] что [illegible] при-[illegible]? Что [illegible]: «А они узнали, что [illegible] хотят [illegible] до полу-смерти»

Опасения Г. Н. Белинского относительно семьи П. А. [illegible], [illegible] прозвали «[illegible]», [illegible] основательны. [illegible] уездный судья [illegible] [illegible] графов Разумовских в селе [illegible]. Что [illegible] бы [illegible] с [illegible] [illegible] свидетельство [illegible] в их пользу, [illegible] которые [illegible] совершить [illegible] крупнейшего [illegible] и знатного вельможи?

Ум, [illegible], [illegible] в суждениях и поступках Г. Н. Белинского [illegible] в общественной, так и в семейной [illegible]. По словам родственников Белинских, [illegible] влияние [illegible] В. Г. Белинский [illegible] [illegible]. Д. П. Иванов подчеркивал: «По природе своей Виссарион ближе подходил к отцу, чем к матери. Высокие нравственные черты характера, [illegible], стойкость убеждений, [illegible] — наследовал он от отца, [illegible] сердце (Белинский очень [illegible] детей [illegible] возраста),

и сын недаром оплакивал его»

не отличить и остроумия речей, и страсти к чтению
слушивался к рассказам отца о прошедшем, к его
симпатия, сохранившаяся навсегда и благодетельно
на отца и один только рост наследовал от матери»

списка лекаря, родилось еще двое детей: в 1818 г. — дочь Мария, вскоре умершая, и в 1821 г. — сын Ника-
меньше внимания. Со старшими же, Виссарионом и
предмет — старинный шахматный столик. За ним в дол
время, играя в шашки.

тывал в письмах с суровой прямотой. Одно из них с укоризной представлено в его кабинете на письменном столе: «Виссарион Григорьевич! О болезни твоей имел я суждение и нашел, что оная происходит от твоей расторопности. От чистого сердца желаю тебе посланные при сем письме 25 рублей ассигнациями употребить в пользу облегчения твоей болезни. Я слышал, что ты здесь покуриваешь без всякой причины или надобности. В твоих летах предаваться никакому излишеству, подобному табаку, невозможно».

Гостиная

Письма студента Московского университета в родной Чембар вызывали живейшее внимание всех членов семьи и родственников. О чтении одного из них в «комнате дома, которую он назвал гостиной, рассказал Д. П. Иванов, в письмах родных к Виссариону эта комната именуется горницей.

Комната обставлена небогато: небольшой диван, столик перед ним, четыре удобных мягких кресла, книжный шкаф, — и как напоминание о службе в русском военном флоте отца и деда с материнской стороны, первых годах жизни будущего критика, проведенных на побережье Финского залива, на стенах помещены гравированные картины на морские темы: «Экзамен на лоцмана» и «Буря у берегов Италии»; украшают гостиную простые домашние цветы: герань, олеандр, агапандус, розаны и др.

Белинский в детстве очень любил цветы, часто сопровождал отца, собиравшего лечебные травы в окрестностях города, и приносил из этих походов, как рассказывали чембарские старожилы, охапки полевых и лесных цветов и расставлял их по всей комнатам дома.

В гостиной уездного лекаря собирались его немногочисленные друзья: муж его родной племянницы

Гостиная в доме Белинских

П. П. Иванов, секретарь уездного суда, смотритель уездного училища А. А. Греков, казначей В. Великопольский. С местными помещиками и чиновниками Г. Н. Белинский не ладил. В. Г. Белинский был свидетелем вражды своего отца с чиновником уездного суда Васильевым, отъявленным взяточником. В письме К. Г Белинского к Виссариону от 19 октября 1833 г. рассказывается: «Стряпчий Васильев и Петр Брячев уволены министром юстиции от своих должностей за неправильное произведение следствия об убитой деревни Гоморихи крестьянской женке Фроловой своим мужем, ибо они, не пригласив медицинского чиновника для освидетельствования женки, показали в следствии, что она убита

лошадью, а между тем Васильев взял 500 рублей с подсудимого». Свидетельствовать тело убитой должен был Г. Н. Белинский. Зная его честность и бескорыстие, Васильев не пригласил лекаря на следствие, так как был уверен, что при нем получить взятку с ответчика не удастся. Еще до этого случая Константин сообщил брату: «К нам в Чембар приезжал губернатор, который посетил все места и нагонял порядком стряпчего Васильева; к счастью его, что папеньки не было дома». Белинский рано проникся презрением к невежественному и погрязшему в пороках обществу чембарских дворян и чиновников, обществу воров, истязателей и убийц, почувствовал глубокое отчуждение от затхлого мира захолустного городка. Какие-то резкие столкновения с местным обществом случались и у самого Белинского. 9 октября 1829 г. будущий критик с сарказмом писал брату: «Я думаю, что в вашем пресловутом Чембаре очень удивляются, что я принят в императорский Московский университет студентом. Впрочем, я очень мало дорожу мнением чембарцев. Если меня не умели оценить в Чембаре, то оценили в Москве. Я думаю: всем известно, что между Чембаром и Москвою есть небольшая разница и что между чембарскими жителями и московскими профессорами есть маленькое расстояньице».

Но потом Белинский с радостью вырвался из Москвы на каникулы и приехал в Чембар. Тогда и начался его литературный путь: Белинский работает в Чембаре над антикрепостнической драмой «Дмитрий Калинин». В гостиной, в шкафу среди книг Н. Г. Белинского, находятся листы, исписанные рукою его гениального брата. После запрещения драмы цензурой Белинский хранил как зеницу ока ее автограф, но, уступая настойчивым просьбам, был вынужден подарить его брату. Тот свято берег эту рукопись. После отъезда Белинского на учебу в Москву связь с семьей не пре-

рналась. Об оживленной переписке между родителями и сыном свидетельствует стопка писем Белинского-студента в Чембар, которые находятся в книжном шкафу. С началом литературной деятельности Белинский присылает в Чембар экземпляры тех периодических изданий, в которых он сотрудничает. «Папенька, я на Ваше имя буду пересылать брату журнал «Листок». От скуки и Вы прочтете; в нем и я буду выставлять свои изделия», — пишет начинающий литератор отцу. На столике у окна открыт один из номеров «Листка» за 1831 г. — в нем появилось стихотворение «Русская быль», первое печатное произведение Белинского. Радость родных, получивших журнал, была велика. «Папенька, — сообщает К. Г. Белинский брату, — помещенную в 40 и 41 №№ «Листка» читал с большим удовольствием твою пиесу «Русская быль» и, может быть, мысленно благодарил небо; равно маменька и я очень сему радуемся и не верим глазам своим. Я каждый день прочитываю твою пиесу с удовольствием, происходящим от любви».

Белинский стремился удовлетворить страстную тягу брата Константина к образованию и культуре. Став известным литературным критиком, он продолжает присылать домой книги и журналы. В гостиной находятся номера журналов и газет, перечисленные в письме К. Г. Белинского от 3 июля 1836 г. «Телескопа» на 1836 год я получил 8 номеров, — сообщает он, — прошлого года 16 номеров, «Молву» всю, а «Живописного обозрения» 44 листа. За все благодарю тысячу раз тебя, любезный брат. В Чембаре в свободное от должности время одна для меня отрада — книги, любезные книги, и потому мне нужно — хлеба, чтоб не умереть физически, а книг, чтоб нравственно не умереть. Присылай их, прошу тебя, чаще».

Подшивка газеты «Молва», в которой Белинский сотрудничал в 1833—1836 гг., открыта на странице, где

начинается его известная статья «Нечто мнение об игре г. Каратыгина». Разбирая игру знаменитого петербургского трагика, критик выступил против искусственного пафоса и риторики, за правду жизни и демократизм искусства.

Любовь к театру возникла у Белинского еще в чембарские годы. «В России любят театр, любят страстно. Заезжая труппа актеров может пробудить сильное движение и в умах, и в сердцах, и в карманах губернского или уездного города. Театр имеет для нашего общества какую-то непобедимую, фантастическую прелесть» [1].

Так высказался Белинский в статье «Московский театр», конечно, по личным впечатлениям. Д. П. Иванов сообщает о самодеятельных спектаклях, которые ставили в Чембаре Белинский и его друзья-гимназисты во время летних и зимних вакаций. В опере А. О. Аблесимова «Мельник, колдун, обманщик и сват» на долю Белинского выпала роль отца Аниоты, арии свои Виссарион передавал неискусным речитативом, потому что к музыке и пению был совершенно неспособен. Зато особенно отличился Белинский в постановке драмы Шекспира «Отелло» в роли Яго, которую он «исполнял с большим воодушевлением». Инициатором и душой театральных постановок в Чембаре был Белинский. Как ни хотелось членам семьи Ивановых возобновить спектакли после отъезда Виссариона в Москву, «но никого не могли согласить, и все затеи спяточные рассыпались». «Всегда чего-то недоставало главного, — писала Е. П. Иванова Белинскому, — этого главного — Вас!»

Сам Белинский, находясь в Москве, тосковал по родным местам, тяжело переживал разлуку с семьей, родственниками, друзьями. Он пишет родителям 20 апреля 1832 г.: «Вы приглашаете меня домой на вакацию; благодарю вас за это, или, лучше сказать, не умею и не знаю, как благодарить вас; я мучаюсь, истаеваю от пламенного желания увидеться с вами, да и самый

воздух тамошний мог бы иметь на меня благодетельное влияние, тогда как московский вреден и для самых здоровых, — одним словом, тысячу и тысячу раз благодарю вас за ваше предложение — но никаким образом не могу им воспользоваться, несмотря на влечение собственного сердца и порывы души, жаждущей отдохнуть в кругу от беспокойств, болезни и разных неудовольствий, **сопряженных с московской жизнью».**

В. Г. Белинский, находясь в Москве, стремился способствовать духовному развитию своих родных. Под большим влиянием старшего брата находился Константин Белинский. Хотя он и не обладал блестящими способностями, но не был и «ничтожеством», как его характеризуют некоторые исследователи. К. Г. Белинский страстно рвался из душного для него Чембара, но надежды на переезд в Москву или в крупный губернский город не осуществились. К сожалению, он не смог получить надлежащего образования и всю жизнь прожил в Чембаре мелким чиновником, но современники отмечали, что он был хорошим знатоком законов. Судя по его письмам, он был большим любителем чтения, относился к книгам с благоговением, жертвуя на их покупку последние деньги, сам пробовал сочинять, хотя эта попытка и вызвала неодобрение старшего брата.

В книжном шкафу, стоящем в гостиной, собрана и показана часть библиотеки Константина. В основном это книги, присланные братом Виссарионом из Москвы: подшивка «Молвы» за 1832—1833 гг., альманах «Русская Талия на 1825 год» (в нем впервые были опубликованы отрывки из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума»), сочинения В. А. Жуковского, И. И. Дмитриева, Д. И. Фонвизина, И. А. Крылова, М. Н. Загоскина, Вальтера Скотта, несколько томов «Древней Российской вивлиофики». Одна из книг открыта: «Душенька. Древняя повесть в вольных стихах. Третье издание, вновь исправленное. Москва, в университетской типографии у

Рихтера и Клаудия, 1799 г.». На титульном листе этого сочинения Н. Ф. Богдановича имеется автограф К. Г. Белинского — его инициалы «К. Б.».

Не забывал в Москве Белинский и свою сестру Александру, дочерей П. П. Иванова. Для них предназначались журналы конца 1820-х гг. «Галатея» и «Московский телеграф» с картинками парижских мод.

Культурные запросы семьи Белинских были большими, это сказалось как на раннем развитии Виссариона, так и на общей атмосфере семейной жизни, способствовавшей страстной тяге к просвещению.

Столовая

Из гостиной боковая дверь ведет на половину дома, где полной хозяйкой была Мария Ивановна Белинская, — в столовую, спальню, буфетную. Комнаты небольшие, но удобные; в центре столовой стоит скромный обеденный стол в окружении стульев, в шкафу собрана посуда, изготовленная в 1820—1830 гг., стены украшены небольшими гравированными картинами «Женщина с лютней» и «Юноша со стаканом вина». Выделяются в столовой две большие вышивки-картины с фигурами греков, их вышила М. И. Белинская. Здесь же в комнате находятся часы, изготовленные в 30-е гг. известным пензенским мастером Федором Серебряковым, принадлежавшие К. Г. Белинскому.

В столовой собирались все члены семьи Белинских, родители и дети. Тяжелое материальное положение сказалось почти на всех. К. Г. Белинский, задавленный нуждой, умер в 1863 г. в возрасте 50 лет, от чахотки в раннем возрасте скончались почти все из его восьми детей.

Умна от природы была сестра критика Александра Григорьевна, но она не получила систематического образования и посвящала почти все свое время домаш-

Комната Марии Ивановны Белинской

ным делам, была мастерицей шить и вышивать. Однажды она послала старшему брату подарок — вышитый бисером кисет. Неразвитость сестры очень беспокоила Белинского. «Благодарю тебя за твой подарок, — писал он в ответном письме, — он доставил мне большое удовольствие как знак твоего ко мне родственного расположения. В благодарность за оный умоляю тебя лишь иметь рассеянность, старайся образовывать твою душу и сердце и украшать их теми прекрасными истинными нарядами, без которых человек не есть человек! Читай книги, будь всегда в обществе благородном, образованном и люби более удовольствий чистые, наслаждения изящные и предпочитай их ло-

ному светскому блеску. Учись — учиться никогда не поздно».

Письмо Белинского к сестре экспонируется в столовой. Впоследствии А. Г. Белинская вышла замуж за учителя Чембарского уездного училища М. И. Кузьмина, потом жила в городе Нижнем Ломове, где и умерла в 1876 г. Своих детей у нее не было, и она помогала в воспитании детей брата Константина.

Подавал большие надежды младший сын в семье — Никанор. И родные, и учителя отмечали его успехи в занятиях латинским языком, в географии, его интерес к медицине, фамильную страсть к чтению. «Этот мальчик» предорогой бы был, — писала Е. Н. Иванова Белинскому, — если б его не баловали; он очень забавляет нас своей остротой... он беспрестанно толкует, что будет знать двенадцать языков отлично и что превзойдет своего брата Виссариона Григорьевича». Неурядицы между родителями, чрезмерное внимание отца сказались на нравственном воспитании Никанора, он забросил учение и стал тираном всей семьи. «Чтобы не дать погибнуть, завянуть на сухом бесплодном поле неправильного воспитания... таким способностям, такой пылкой душе», Белинский стремится сам стать «ментором своего несчастного брата», ему удается взять его в Москву, но, занятый беспрерывной журнальной работой, он не мог уделять Никанору достаточно времени. Тому не удалось поступить в университет, так как профессор С. П. Шевырев, лютый ненавистник критика, прямо заявил, что второго Белинского он в университет не допустит, и трижды заваливал Н. Г. Белинского на экзаменах по русской словесности. Поступив юнкером в Кавказскую действующую армию, Н. Г. Белинский пропал без вести в возрасте 23 лет.

Только неистовый Виссарион смог вырваться из мертвящих обстоятельств, избежать трагической участи этой незаурядной семьи уездных разночинцев.

В последние годы обострились отношения между родителями.

М. Н. Белинская, по рассказам современников, была женщина чрезвычайно добрая, радушная, но «крайне восприимчивая, раздражительная». Материальные тяготы заставляли ее пребывать в постоянном беспокойстве, как одеть, как накормить многочисленное семейство. Денежные требования к Г. Н. Белинскому, «не облеченные в благовидную форму, встречались им с холодным молчанием или шуткой, которые вследствие несходства характеров супругов вели к резким ссорам». Г. Н. Белинский к концу жизни из-за плохих отношений с местным обществом, непонимания со стороны близких стал пить, материальное положение семьи пошатнулось еще больше. М. Н. Белинская часто жалуется в письмах к сыну, что «у нее нет ни копейки», что она в долгах, но постоянно пробует облегчить жизнь сына в Москве, посылая то домашнюю одежду, то продукты, то «последний свой талер». Белинский отмечал, что мать отказывала себе «в чашке кофею, единственном своем удовольствии», хотя он «не только не просил у нее ни копейки, но даже уверял ее, что ни в чем не нуждается». Семейные раздоры тяжело переживались Белинским как в детстве, так и после переезда в Москву. В письмах он старается примирить родителей, он искренне любит их, хотя и понимает их недостатки. В письме к брату Константину от 21 июня 1832 г. он пишет об отце: «При всей откровенности и благородстве характера, при добром сердце, — он страждет ужасным недугом — подозрительностию, разумеется.. пустою и неосновательною. Ему кажется, что его жена, его дети, его родные — все стоят около него с поднятыми ножами, готовые пронзить его вдруг и только ждущие благоприятного мгновения». В том же письме он восклицает: «Сколько раз просил я маменьку, чтобы она старалась укрощать

свой пылкий до дикости и неистовства характер, снося бы с терпением и протестуя, все несправедливости папеньки, старалась бы избегать с ним всяких бесполезных ссор и тушить пламя в самом его начале!» Криком души звучит его обращение к родителям в письме от 21 мая 1833 г.: «Моя последняя к вам мольба, мой единственный к вам зов: водворите мир и тишину в своем семействе, прекратите эти вечные и ни к чему не ведущие пересуды. Прошедшего поворотить нельзя, и вам уже поздно теперь считаться между собою. Ваша жена — нам мать; а это слово — не пустой, бессмысленный звук! Смерть каждого из вас будет равно гибельна для ваших детей: так берегите же себя взаимно, если не для самих себя, то для нас».

М. И. Белинская скончалась в августе 1831 г. Д. П. Иванов был свидетелем, как Г. Н. Белинский рыдал в одиночестве, убежав из комнаты на огород, когда покойную готовили к погребению. «Ах, Дмитрий Петрович, — сказал он в ответ на утешения, — ты еще молодой человек и не понимаешь всей великости моей потери».

Супруг М. И. Белинской пережил свою Лену ненадолго.

Его не стало в июле следующего года.

Спальня

Несколько штрихов к образу М. И. Белинской добавляют экспонаты, выставленные в ее спальне. Здесь находятся ее столик для рукоделия, кресло из дома Белинских, большой, окованный железом и обитый кожей сундук, старый комод, в переднем углу висит икона Христа Спасителя и лампадка, на стене — гравюра на библейский сюжет «Жертвоприношение Авраама». Религиозная Мария Ивановна часто объясняла неудачи в жизни Виссариона отсутствием веры в бога, на-

талась наставлять его в вере: «...ты не имеешь истинной веры на бога и надежды на создателя и не просишь божию матерь: обратись-ка лучше к богу и имей веру, молись, больше ходи в церковь, оставь эти модные фортуны и провидения, а призывай бога на помощь, не начинай без молитвы ничего и призывай бога в помощь, лучше дело-то будет».

В другом письме она советует сыну не ходить в театр, а посетить все соборные и приходские церкви в Москве. Белинский ответил на это категорическим отказом, взаимопонимания между сыном и матерью по этому вопросу не было. «Вы хотите из меня сделать благочестивого странствующего пилигрима и заставить меня предпринять благопохвальное путешествие по московским церквам, которым и счета нет. Шататься мне по оным некогда, ибо чрезвычайно много других, гораздо важнейших дел, которыми должно заниматься». Несмотря на расхождения во взглядах на религию, М. И. Белинская ценила каждый совет и замечания старшего сына.

Буфетная

В маленькой комнате, в которой стоят два шкафа для посуды (один из них, находящийся у двери, принадлежал семье критика), М. И. Белинская вела свои домашние дела вместе с пятью дворовыми. Как чиновник IX класса, Г. Н. Белинский имел личное дворянство и мог владеть крепостными. С присвоением чина коллежского асессора в 1830 г. он вместе с детьми получил право на потомственное дворянство. В. Г. Белинский, в детстве часто прибегавший в буфетную и на кухню к своим крепостным друзьям, считал их членами семьи, из Москвы в письмах часто передавал им приветы, присылал подарки. В письме к брату Константину, экспонирующемся в буфетной, можно прочи-

гать: «Кланяйся всем, всех меня знающих и помнящих, и нашим домашним: Акулине, Василию, Авдотье, и Марье, и Ивану; первым трем скажи, что я их люблю и почитаю, в последнем, что я их не знаю, но люблю, **потому что они наши домашние».**

Стены буфетной украшены лубочными картинками, изображающими простых русских людей, их подвиги в Отечественной войне 1812 г., тот «православный русский народ», который Белинский «душевно любил и почитал за честь и славу быть ничтожной песчинкой в **его массе».**

Детская

Самая большая комната в доме экспозиционно решена неоднозначно. Она была свидетелем всех перемен, происходивших в жизни детей уездного лекаря. В первые годы пребывания Белинских в Чембаре детскую занимали три брата: Виссарион, Константин и Никанор. С 1835 г., когда Никанор был взят старшим братом на воспитание в Москву, единственным хозяином комнаты остался Константин. Поэтому обстановка детской не приурочена к одному конкретному периоду, а **охватывает длительное время.**

Самый большой экспозиционный уголок показывает чембарским годам Белинского; через восприятие брата Константина, показом принадлежащих ему вещей, частично раскрываются следующие за отъездом Белинского некоторые события из его жизни, имеется уголок **с мемориальными вещами критика.**

Годы, проведенные в детской, когда он начал познавать окружающий мир, учился грамоте, читал первые книги, когда еще семейные неурядицы не отравляли его жизни или, по крайней мере, не осознавались, как в юности, казались впоследствии Белинскому **самыми счастливыми.**

«Это время нашего единства с природою, в котором так много простодушной и невинной любви, — писал он в одной из статей, — время нашего непосредственного сознания, в котором все было ясно, без тяжелых дум и тревожных вопросов... Вы уже бежали, и вас, счастливые лета моего младенчества! Я теперь умнее, чем был тогда; я не променяю разума на самое блаженство, но мне все же жаль вас, о радужные дни моего счастливого детства!»[6]

Все дети семейства Белинских проходили курс первоначального обучения русской и церковной грамоте у местной учительницы Е. П. Цыпровской, как и многие поколения чембарских мальчиков и девочек. Выучившись читать и писать у Цыпровской, будущий критик продолжал свое учение дома под надзором отца, который занимался с сыном также латинским языком (впоследствии критик мог читать и писать по-латыни). Как напоминание о первых учебных опытах Белинского в детской выставлены «Российские прописи», изданные в 1820 г., и своеобразная азбука «Подарок детям в память 1812 года», составленная из 34 картинок художника И. И. Теребенева с изображением событий Отечественной войны и пояснительным текстом, начинающимся с очередной буквы алфавита. На столе рядом с азбукой и прописями находится одна из первых книг, прочитанных Белинским, — «Повесть о приключении английского милорда Георга и о бранденбургской маркграфине Фредерике-Луизе», изданная в Москве в 1819 г. Не обладая высокими художественными достоинствами, повесть написана занимательно, отличалась сложной и запутанной интригой и на мальчика Белинского произвела неизгладимое впечатление. В 1839 г., рецензируя девятое издание книги, зрелый литературный критик невольно вспомнил свое детство и первую встречу с интересной книгой: «О милорд английский, о великий Георг! ощущаешь ли

ты, с каким грустным, тоскливым и вместе отрадным чувством беру я в руки тебя, книга почтенная, хотя и безмысленная! В то время, когда я уже бойко читал по толкам, хотя еще и не умел писать, в то время, когда еще только начиналось мое литературное образование, когда я прочел и «Бову», и «Еруслана» гражданскою печатью, и «Повести и романы господина Вольтера», и «Зеркало добродетели» с раскрашенными картинами, — скажи, не тебя ли жадно искал я, не к тебе ли тоскливо порывалась душа моя, пламенная ко всему благому и прекрасному?.. Помню тот день незабвенный, когда, достав тебя, уединился я далеко, как-то в огороде, между грядками бобов и гороха, под открытым небом, в лесу пышных подсолнечников — этого роскошного украшения огородной природы, и там, в этом невозмутимом уединении, быстро перелистывал твои толстые и жесткие страницы, всею душою увлекаясь живым приключениям, такою широкою кистью, так могуче и красно изложенным»[2].

Упоминаемая в этой рецензии «Сказка о Еруслане Лазаревиче» другие книги круга детского чтения Белинского, в том числе «Жизнь и приключения Робинзона Крузо, природного англичанина», которая доставила ему «столько чистейшего и упоительнейшего наслаждения», выставлены в книжном шкафу, принадлежавшем семье чембарского уездного лекаря.

В Чембаре Белинский познакомился с томами «Детского чтения для сердца и разума», издававшимися в XVIII в. замечательным русским просветителем Н. И. Новиковым. Белинский высоко ценил эти издания. Рецензируя в 1840-х гг. мелкие и пустые книжки для детей, он с горечью восклицал: «Бедные дети!» — и добавлял: «Мы были счастливее вас: мы имели «Детское чтение» Новикова». Знаком был Белинский со знаменитым сборником Кирши Данилова. «Сказки и песни, собранные Киршею Даниловым, знает чуть не на-

Детская комната в доме Белинских

изусть, — замечал он впоследствии, — читавал не без внимания и другие сборники произведений народной поэзии; к русскому народу прислушивался».

Когда Белинский подрос, то увлекся русской поэзией, но книги тогда стоили дорого, и он привык переписывать для себя стихи понравившихся ему авторов. Проходило время, вкусы окружающего кружка становились все взыскательнее, любимыми авторами стали Г. Р. Державин, В. А. Жуковский и А. С. Пушкин. Впечатления, произведенные стихами Пушкина при первом знакомстве, остались неизгладимыми на всю жизнь. «Как чародей, он в одно и то же время исто-

гал у нас и смех и слезы, играл по воле нашими чувствами, — вспоминал критик. — Он пел, и как изумлена была Русь звуками его песен: и не диво, она еще никогда не слыхала подобных, как жадно прислушивалась она к ним: и не диво, в них трепетали все нервы ее жизни! Я помню это время, счастливое время, когда в глуши провинции, в глуши уездного города, в летние дни из растворенных окон неслись по воздуху эти звуки, подобные шуму волн или журчанию ручья»[11].

В детской экспонируется письмо А. Г. Иваникова, чембарского приятеля Белинского, от 1829 г.: он присылал Белинскому, приехавшему в родной дом, переписанные отрывки из поэмы А. С. Пушкина «Полтава», только что вышедшей в свет. В другом письме Иваников просит вернуть взятые Белинским для чтения «Испытание» и «Ревель» А. Бестужева-Марлинского, «Выбор из сочинений лорда Байрона», пушкинского «Графа Нулина». Издания этих книг представлены в экспозиции.

Много времени отдавали чтению братья Никанор и Константин. М. И. Белинская в письме к сыну 10 декабря 1832 г. сообщала: «Никанор сидит в детской и читает с восхищением книгу «Рославлев, или Русские в 1812 году», ему вчерась вечером отец принес от смотрителя Павлова», а ниже добавляла такую подробность: «Представь себе, Никанор часу с осьмого, и теперь осьмой час вечера, он не умолкал ни на минуту читая «Рославлева»». По-видимому, этот экземпляр книги М. Н. Загоскина был привезен Никанором в Москву, где она влилась в библиотеку критика, а теперь с частью книг из нее вернулась в дом Белинских.

Библиотеке критика принадлежали и номера журнала «Галатея» (№ 29 и 31, 1829), они упоминаются в числе присланных в подарок брату Константину. В письме от 29 сентября 1831 г. Белинский упоминает

брата, что выслал ему «Сказки и басни И. И. Хемницера в трех частях с портретом автора».

Белинский и в Москве продолжал переписывать в тетради понравившиеся ему стихи, одну такую тетрадь, озаглавленную «Стихотворения, выписанные из журналов Виссарионом Белинским. 1831», он прислал брату. На одном из листов есть пометка К. Г. Белинского: «Подарена братом Виссарионом Григорьевичем, прислана из Москвы с Сукалкиным февраля 2 дня в понедельник поутру».

К. Г. Белинский был очень привязан к старшему брату, горячо любил его, старался следовать каждому его совету. Белинский, в свою очередь, платил Константину вниманием и заботой, стремился помочь ему перебраться в Москву, что составляло предмет самых пламенных желаний Константина. Он писал брату 10 декабря 1837 г.: «У меня ныне одно только удовольствие: приятное с тобою свидание на бумаге, разговоры, которые по причине долгой разлуки будут неистощимы, показывание тебе моей библиотеки и портретов двух российских поэтов Фонвизина и Державина Давидова, которыми украшается мой приют мечтания, столько меня в часы свободы занимающего, что я часто воображаю себя находящимся вместе с тобою в первопрестольной столице Москве, и часто, очень часто я до того размечтаюсь, что не верю сам себе — в Москве или здесь нахожусь, отчего и вижу часто во сне тебя, любезнейший, а иногда и тебя вижу приехавшим в Чембар, и будто бы я с тобою стреляю птиц. Вот до чего может простираться братская любовь!»

Гравированные портреты Д. И. Фонвизина и Д. В. Давидова вместе с портретом А. С. Пушкина (гравюра Гейтмана) и с видом столь желанной Константину Москвы украшают стены этой комнаты, как и 150 лет тому назад. Но переехать на постоянное жительство в

Москву К. Г. Белинскому так и не удалось, он остался в Чембаре и пристально следил за деятельностью и успехами старшего брата.

О трудном периоде жизни В. Г. Белинского напоминают немногие, но примечательные экспонаты. На центральной стене находится портрет Белинского работы художника К. А. Горбунова (1838 г.). Более ранних достоверных изображений великого критика не сохранилось. Он был беден и не мог заказывать портреты у известных живописцев, хотя и был знаком со многими из них, в том числе и со знаменитым Карлом Брюлловым. К. А. Горбунов, земляк и друг Белинского, бывший крепостной помещика С. М. Вадбольского из Чембарского уезда, впоследствии академик живописи, автор портретов М. Ю. Лермонтова, А. И. Герцена, И. С. Тургенева, А. В. Кольцова, М. С. Щепкина, Т. Н. Грановского, был единственным художником-профессионалом, писавшим критика при его жизни.

Всего К. А. Горбуновым создано шесть портретов Белинского, часть из них уже после безвременной кончины критика.

С портрета Белинского работы К. А. Горбунова 1838 г. на нас смотрит молодой человек с открытым лицом, высоким лбом, с задумчивым взглядом серых глаз.

Под портретом на небольшом столике — личные вещи Виссариона Григорьевича Белинского: карандаш и несколько книг.

Библиотека Белинского к концу его жизни насчитывала несколько тысяч томов книг и журналов. После смерти владельца она была куплена И. С. Тургеневым, стремившимся помочь оставшейся без кормильца семье Белинского, долгое время хранилась в доме писателя в Спасском-Лутовинове. Оставшиеся 600 экземпляров хранятся в Государственном музее И. С. Тургенева в Орле.

В музей В. Г. Белинского было передано 13 книг и журналов.

В витрине открыты «Путеводитель в пустыне, или Озеро-море» Джеймса Фенимора Купера, издания 1841 г., «Сочинения Якова Княжнина», изданные в Санкт-Петербурге в 1818 г., с автографами владельца, на корешках некоторых книг вытеснены инициалы критика — «В. Б.».

Привлекает внимание 29-й том журнала «Отечественные записки» за 1843 г., в прекрасном темно-зеленом с золотыми узорами переплете. В этом издании Белинский сотрудничал с 1839 по 1846 г. Благодаря его неустанной и страстной литературно-критической деятельности «Отечественные записки» приобрели огромную популярность и стали лучшим журналом того времени. «Умру на журнале, — писал он В. П. Боткину, — и в гроб велю положить под голову книжку «Отечественных записок». Я литератор — говорю это с болезненным и вместе радостным и гордым убеждением. Литературе российской моя жизнь и моя кровь».

КУХНЯ

К основным комнатам дома Белинских через небольшие сени примыкает боковой флигель — кухня. В ней постоянно находились дворовые Белинских, поэтому экспозиция в этой комнате рассказывает о крестьянском быте. О ежедневных занятиях дворовых М. И. Белинская в одном из писем сообщала: «Василий в кухне щиплет гуся, а Авдотья в кухне шьет, а Акулина обыкновенно с ухватами около печки».

Упомянутый в письме кучер Василий был участником всех детских забав Виссариона, позднее снабжал своего любимца одеждой для маскарадов, которые тот очень любил. По словам Д. П. Иванова, Белинский любил наряжаться русским мужиком, и «для того

всегда находил готовые платье у кучера своего, Василия, появлялся в домах родственников и знакомых в суконном чепане, в теплой кучерской шапке с заломом, в кожаных рукавицах, в бородатой маске».

В экспозиции представлены орудия крестьянского труда, предметы домашнего производства: детали ткацкого стана, домотканые холсты, одежда. Вещи, изготовленные в домашних условиях, широко использовались в семье Белинских. «Еще теперь тебе посылаю тонкую рубашку, полотенце, носовой платок и окорок ветчины, — писала М. И. Белинская сыну. — Больше, не прогневайся, не в силах ничего послать, денег нет ни копейки».

Прялка, веретено с пряслом, рубель, которым гладили белье, пяльцы, разнообразная посуда для своего и господского стола: самовар, глиняные горшки и кувшины, большие корчаги, кофемолка, кофеварка, чайник — и другие предметы обихода создают цельную картину повседневной жизни.

Многие крестьяне и дворовые любили украшать свои жилища дешевыми лубочными картинками, не составляли исключения и крепостные Белинских. В приписке к письму от 21 ноября 1831 г. к брату Константину Белинский извещал: «Посылаю тебе картину, позаботься отослать вместе с книгами, прибей ее в избе для украшения и распространения эстетического вкуса ее обитателей».

Уважение, дружеское расположение и внимание Белинского к дворовым вызывали ответные чувства любви и преданности. «Бабушка тебе кланяется, — писал К. Г. Белинский брату, — равно и все наши домашние, а особливо маменька с Акулиною, которая часто повторяет сии слова: «Когда-то, господи, принесет нам его. Посмотрела бы на него, милого». Потом начнет накладывать на грудь кресты...»

В полудеревенском Чембаре, окрестных селах, у

родственников Владыкиных семьи. Белинский также картины жизни простого народа, которые свидетельствовали о его невыносимом положении. «Вглядитесь в быт русского крестьянина того времени, — писал он в одной статье, — его дымную, неопрятную хижину, так похожую на хлев, его поле, то орошенное кровавым потом своего владельца, то пустое, незасеянное или затоптанное татарскими отрядами, а иногда и псовою охотою помещика». Это относилось, конечно, не к давно прошедшему времени. Белинский замечал, что русский мужик вынужден был ходить в лохмотьях есть черствый хлеб пополам с мякиною»[12]

Но в Москве и Петербурге на страницах журналов Белинский страстно боролся против тех, кто презирал народ, кто видел в нем только невежественную и грубую толпу, которую нужно постоянно держать в работе и голоде. «Если мужик не учен, не образован — это не его вина, — писал он, — Ломоносов родился мужиком, но обстоятельства помогли ему доказать миру, что иногда кроется в глубине мужицкой натуры, чем может иногда быть мужик»[13]

[illegible]

Покинув мемориальный дом, посетители выходят на усадьбу, небольшой прямоугольник территории, примыкающей к заднему фасаду. Белинский сам вдохновенно описал ее в цитированной рецензии на [illegible] англинского»: «О память! что ты со мною сделала? Ты так живо напомнила мне золотые годы моего детства, что я вижу их перед собою: железная современность исчезает из моего сознания, и снова становлюсь ребенком и вот уже с бьющимся сердцем бегу по пыльным улицам моего родного городка, вот вхожу на двор родимого дома с тесовою кровлею, окруженного ореховым забором... Вот от ворот до крыльца треугольный па-

лисадник, с акациями, черемуховым деревом и купою розанов... Вот и огород, которому со двора служит оградою погреб и другие службы, с небольшими промежутками частокола, а с остальных трех сторон — плетень...» [14].

Подробнее об усадьбе рассказывали современники. Д. П. Иванов сообщал, что позади дома находился «довольно обширный двор» с хозяйственными постройками: амбарами, погребом, каретным сараем, конюшней. Они были необходимы для большого домашнего хозяйства, семья Белинских держала лошадь, две коровы и домашнюю птицу. Летом засеивали овощами огород, тянувшийся позади двора.

В настоящее время усадьба изменилась, не сохранились надворные постройки, исчезли мелкие детали обстановки, придававшие усадьбе своеобразный колорит. Но в музее ведутся большие реставрационные работы, и намечено вернуть территории, окружающей дом, исторический вид.

В 1960 г. на усадьбе была восстановлена стоявшая во дворе баня. Просторная и чистая, она часто использовалась как жилище и временный лазарет для больных, которых привозили к уездному лекарю из окрестных деревень. Она хорошо запомнилась Белинскому: «Вот и маленькая баня при входе в огород, даже и среди белого дня пугавшая мое детское воображение своею таинственною пустотою... а вот, возле нее, и стог сена, на котором я часто воображал себя то Александром Македонским, то Русланом Лазаревичем» [15].

Свидетелями давно прошедшей поры остались четыре старые липы — современницы критика.

На усадьбе и в окрестностях города проходили многие забавы и развлечения будущего критика: на святках и масленице по городу катались на лошадях, особенно любимым было катание с больших снежных

гор, которые устраивались общими усилиями во дворе Белинских, на ледниках, весной и летом во дворе постоянно стояли качели. В летние каникулы предпринимались прогулки и поездки с самоваром в леса за ягодами и грибами. Белинский с детства был страстным и непревзойденным грибником, любил собирать ягоды и лекарственные травы.

Покинув Чембар, Белинский часто вспоминал то многое, что связывало его с городом, природой, семьей и друзьями, много раз порывался приехать, чтобы «вздохнуть воздухом родины». «Буду трудиться до упаду, буду проводить без сна ночи, к чему я уже довольно попривык, буду доставать и копить любезные денежки, чтобы на тот год хоть плыть, да быть в Чембаре и обнять всех любезных сердцу», — писал он К. Г. Белинскому в мае 1833 г. Свидетели сообщали, что и незадолго до смерти он вспоминал «о привольном деревенском воздухе», мечтал поехать в Пензенскую губернию, чтобы поправить здоровье.

II. ЮНОСТЬ НЕИСТОВОГО ВИССАРИОНА

Скромная усадьба Белинских стороной примыкала к довольно обширному саду-парку при бывшем уездном училище.

На небольшой площадке, композиционном центре всей территории музея, посетитель останавливается у скульптуры работы Г. И. Малова, изображающей молодого Белинского. Печально-задумчивое лицо, в руках раскрытая книга, кажется, что Белинский напряженно размышляет о трудных вопросах, которые ставила перед ним жизнь.

Выложенная кирпичом дорожка, обсаженная сиренью и акацией, ведет от скульптуры прямо к высокому одноэтажному зданию. Справа от входа висит памятная доска, которая гласит: «Здесь, в Чембарском уездном училище, учился великий русский критик Виссарион Григорьевич Белинский с 1822 по 1825 год».

В здании расположена музейная экспозиция, посвященная чембарско-пензенскому периоду, первой половине жизни Белинского. Планировка помещения необычна. За низенькими сенями расположена длинная проходная комната, разделенная дверями на две равные половины, за нею большой и высокий зал с двумя рядами колонн посередине и две отдельные боковые комнаты.

Соответственно с расположением комнат экспозиция делится на несколько разделов. Первый дает характеристику Чембарского уезда конца XVIII — первой трети XIX вв., рассказывает о родословной Белинского, представляет круг его чембарской родни и знакомых, обще-

Здание бывшего уездного училища

ственно-политические события, затрагивавшие интересы этого края. Чтобы подчеркнуть социальные различия, в экспозицию введены образцы мебели, предметы быта и повседневного обихода, свойственные различным группам населения. Такое противопоставление создает картину резкого контраста, которая углубляется композиционным решением всего раздела: материалы, характеризующие крестьян и разночинцев, сгруппированы в половине зала, противоположной той, где размещен тематический комплекс, посвященный дворянскому сословию.

Центральная часть экспозиции отражает время пребывания в уездном училище и гимназии, она расположена в главном помещении — большом зале. Здесь экспозиционно-условно решены интерьеры двух классных комнат, училища и гимназии, в них размещено изготовленное по старым образцам школьное оборудование, ученические предметы и принадлежности. Такое своеобразное решение дало возможность обобщить разнообразный исторический и документальный материал, данный в своем конкретном содержании, создать более образную картину ученических лет Белинского.

Последние разделы посвящены Москве, в левой боковой комнате выставлены материалы об учении в Московском университете, в правой — об исключении из университета, начале литературной деятельности, драме «Дмитрий Калинин», при создании которой Белинский широко использовал пензенские источники и впечатления.

В экспозиции широко представлены документы о жизни и творчестве раннего Белинского, письма критика, материалы, раскрывающие историческую обстановку 20—30-х гг. XIX в., книги, живопись и графика. Все экспонаты объединены одной общей идеей: документально рассказать о наиболее важных событиях в жизни молодого Белинского, показать его активное

отношение к событиям своего времени, творческое восприятие наблюдавшихся им явлений, которые оказали влияние на формирование его мировоззрения, эстетических представлений и жизненной позиции.

«Если при мне рассказывали о несправедливостях, гонениях, жестокостях сильных над слабыми, о злоупотреблении властей, — то ад бунтовал в груди моей!» — эти слова главного героя юношеской трагедии «Дмитрий Калинин» вынесены в начало экспозиции рядом с портретом молодого Белинского, созданным пензенским художником Г. В. Жаковым.

Из истории Чембара и уезда

На живописном месте недалеко от слияния рек Большого и Малого Чембара в XVIII в. стояло большое село. Крутые берега поросли лесом, в окрестностях было много болот, в них в изобилии водилась птица, особенно журавли. Село было мещанским и купеческим, жило в нем много казенных крестьян.

В 1780 г. указом императрицы Екатерины II от 15 сентября было образовано Пензенское наместничество (губерния). В составе 13 уездов упоминался Чембарский, село Чембар было преобразовано в уездный город. Даже в 20-х гг. XIX в. он, по выражению И. И. Лажечникова, был по своему внешнему облику «не лучше посредственного села». Типичный небольшой «Провинциальный город» изображен на акварели С. Порывкина (начало XIX в., копия).

Чембару был пожалован герб — летящий в небе золотой журавль. В 1785 г. Екатерина II собственноручно утвердила план застройки нового города, которым было намечено проложить четыре больших продольных и шесть поперечных улиц. Постепенно город застраивался, новые широкие и прямые улицы хорошо запомнились Белинскому. Знакомясь в 1829 г. с Моск-

вой, он отметил: «Часто улицы бывают так узки, что едва одной с другою могут разъехаться. Вообще, во всей Москве улицы узки. Самая широкая едва ли может равняться с чембарскою» [16]

В книге «Статистическое изображение городов и посадов Российской империи на 1825 год» приводятся такие сведения о Чембаре: «Число жителей мужского пола 1341, женского пола 1293, купцов мужского пола 45, количество каменных домов 1, деревянных 290, церквей 2, учебных заведений 1, трактирных заведений 1, питейных домов 5»

По данным В. С. Нечаевой, в 1821 г. в Чембарском уезде проживало около 90 000 человек, из них 77 500 крестьян. Они были на одну треть «ясашные», т. е. государственные, на две трети — помещичьи [17]. Государственные крестьяне в большинстве своем были из мордвы, крепостные — русские

В экспозиции русская и мордовская крестьянская одежда, предметы домашнего обихода комплексно сочетаются с изобразительными материалами и документами о правовом положении крестьян. Здесь же представлены картина неизвестного художника «Бедная деревня» (копия А. Сухецкого), акварель неизвестного художника 30-х гг. XIX в. «Интерьер крестьянской избы», рисунок карандашом «Укладывание крестьянами сена в омет», макет курной избы. Купчая крепость на продажу крепостного деревни Ростовки Чембарского уезда Матвея Харламнина свидетельствует, что он был продан помещиком Д. А. Милюкиным дворянке Смирниной за 400 рублей. Сделка состоялась в 1824 г. Прошло еще пять лет, и на страницах газеты «Правительствующего сената Санкт-Петербургских департаментов объявления к «Санкт-Петербургским ведомостям» (№ 74 1829) появилось извещение о продаже с аукциона «в Пензенском приказе общественного призрения заложенного и просроченного недвижимого имения поручика

Д. А. Миленина, состоящие Чембарского уезда в селе Ростоже, крестьян ревизских мужеска пола 30 и женского пола 15 душ, составляющие 19 тягол». К этому времени помещик совсем разорился.

Доведенные до отчаяния крепостные пытались обращаться к властям. Об этом говорит выставленная в экспозиции «Жалоба крестьян села Балкашино Чембарского уезда на жестокости помещика Богданова» 1828 г. Но жалобы только приводили к новым зверствам со стороны дворян и репрессиям властей.

Белинский часто был свидетелем отчаянного положения крестьян, о многом он слышал от своего отца.

Экспозиция подробно рассказывает о родительской семье критика, первых годах его жизни, впечатлениях, чембарском окружении. Дед критика Никифор Трифонович во второй половине XVIII в. служил священником в селе Белынь Нижнеломовского уезда Пензенской губернии (окрестности села можно видеть на картине художника П. Радимовского «Истоки реки Вороны»). Его младший сын впервые упоминается в ревизской сказке о причте села Белынь за 1795 г. как рожденный после ревизии Григорий — в 1784 г. Проучившись несколько лет в Тамбовской духовной семинарии, Григорий Никифорович не захотел идти по стопам отца, покинул ее и поступил в Петербургскую медико-хирургическую академию. Во время службы в военном флоте он женился на дочери шкипера Марии Ивановне Ивановой 30 мая 1811 г. в городе-крепости Свеаборге, в котором около года стоял экипаж Григория Никифоровича, у четы Белинских родился первенец — сын Виссарион. Но своей настоящей родиной критик считал Чембар.

Еще один типичный вид провинциального городка доносит до нас акварель неизвестного художника начала XIX в. «Торговая площадь в уездном городе» (копия А. В. Шмидта).

Члены семьи Белинских не раз упоминаются в исповедных ведомостях Никольской церкви, а книге «Месяцеслов и общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1829». Среди чиновников уезда названы штаб-лекарь Г. Н. Белынский и секретарь земского суда П. П. Иванов. Его жена Федосья Степановна приходилась двоюродной сестрой В. Г. Белинскому, хотя по возрасту была значительно старше его. Дети Ивановых — Алексей, Николай, Екатерина и Дмитрий — были сверстниками Белинского, их сближали общие интересы и устремления. Члены семьи Ивановых интересовались литературой и театром, отличались демократизмом и честностью. «Любезные друзья мои, Алексей Петрович и Катерина Петровна! — писал им Белинский 29 ноября 1829 г. — Как благодарить мне вас за бесценные ваши письма от 15 ноября! Ах, они доставили мне несколько минут сладостных, приятных. Они перенесли меня под небо Чембара, они мне живо представили то счастливое время, когда я жил с вами вместе; они мне напомнили наши разговоры, суждения и споры, все живо в моей памяти. Как сладостны эти воспоминания!»

Сближало Белинских и Ивановых и отношение к крепостному праву. От уездного лекаря и секретаря земского суда их детям стала известна возмутившая история княгини Кугушевой, убившей крепостную [illegible]. Княгиню судили, но за недоказанностью преступления приговорили только к ссылке в монастырь на покаяние. Наказание было столь мизерным, что даже в резолюции правительствующего сената было отмечено, что «получается вместо должного по законам наказания предается к ссылке только в монастырь. Несоответственно уже сему департаменту в подобных случаях поставлено было на вид, что нельзя преступников ссылать на вечное пребывание в монастыри, которые учреждены на другой совсем предмет».

[illegible] нозину, а затем и самого заседателя, израненного восставшими

Отношение Белинского к помещикам, убийцам и [illegible] дей, с которыми имеем частое обращение, ухватки, [illegible] что один мудрец древности говорил молодому человеку: скажи мне, с кем ты дружен, и я узнаю и образ [illegible] ны дружеские связи!»

Картина жизни дворянства Российской империи [illegible] и дворянок; документы сочетаются с предметами мебели и усадебного обихода, зримо представляя усло- [illegible] вого помещика России — императора Александра I (гравюра Т. Райта по рис. Г. Дау), рядом — раскра- [illegible] из лейб-гвардейских полков. Такое построение имеет как обобщенно-символическое значение, так и конкрет ный смысл. В 1824 г. Александр I в сопровождении [illegible]

ность народа монарху и благосостояние губернии, достигнутое за время его мудрого и милостивого правления. Совсем по-другому запало это событие в память Белинского. «Помнишь ли ты, — писал он Д. П. Иванову 7 августа 1937 г., — как отличались, как мило вели себя господа военные, особенно кавалеристы, в царствование Александра, которого мы с тобой видели собственными глазами за год или за два до его смерти? Помнишь ли ты, как они нахальствовали на постоях, уводили жен от мужей, из одного удальства, были ужасом и страхом мирных граждан и безнаказанно разбойничали?»

Но в чембарские годы узнал Белинский и о дворянах-революционерах, поднявшихся на борьбу с самодержавием. На стенде, посвященном декабристам, выходцам из Чембарского уезда, выставлены номера газеты «Русский инвалид, или Военные ведомости», излагавшие официальную хронику восстания и следствия. В 177-м номере за 1826 г., в «Указе верховному уголовному суду», сообщался в числе прочих приговор преступникам четвертого разряда: мичману Беляеву 1-ому и мичману Беляеву 2-ому, которым предписывалось «по лишении чинов и дворянства сослать в каторжную работу на пятнадцать лет, а потом на поселение». В экспозиции выставлена статуэтка А. П. Беляева, побывавшего с ним в Сибири. Братья А. П. и П. П. Беляевы были сыновьями управляющего имением графа Разумовского в селе Гринове Чембарского уезда. Владелец села Голодяевка И. Н. Горсткин был участником первых организаций декабристов, но ко времени восстания отошел от них. Но он также был арестован, полгода допрашивался в Петропавловской крепости, а затем был сослан под надзор полиции в свое имение. В экспозиции рядом с портретом декабриста и видом его имения находится рапорт чембарского земского исправника пензенскому губернатору

от 18 августа 1827 г.» о прибытии И. Н. Горскина в Голодяевку и «Ведомость о прививании оспы в 1828 г.», в которой рукою Г. Н. Белинского отмечено: «Штаб-лекарем по городу Чембару и сельцу Голодяевке сделано в апреле 7, в мае 23, в июне 19 предохранительных прививок от оспы».

Белинский за время пребывания в Чембаре и Пензе широко познакомился с самыми разнообразными сторонами жизни России.

В уездном училище

Согласно «Ведомости о состоянии Чембарского уездного училища за 1823—1824 академический год» в нем проходили курс наук 46 учеников.

Белинский поступил в уездное училище сразу же, как только оно было открыто.

Согласно Уставу народным училищам, узаконенному в царствование императрицы Екатерины II-й (в окончании издание 1786 г.) училища для детей дворян, чиновников и разночинцев должны были открываться во всех уездных городах. Но средства на их строительство выделялись мизерные, и больше приходилось рассчитывать на доброхотные дания какого-либо «мецената». Такой благотворитель нашелся в Чембаре в лице городского голова Макарьева, который в 1812 г. решил пожертвовать 1500 рублей и участок земли на Соборной площади. Макарьев за это был представлен уездным предводителем дворянства к медали. Награда должна была возбудить рвение других местных богачей. Но этого не произошло, а начавшаяся война с французами окончательно помешала начать строительство.

В мае 1817 г. пензенский губернатор М. М. Сперанский уведомил уездного предводителя дворянства о своем согласии учредить в Чембаре уездное училище.

[illegible] И. М. [illegible] ([illegible] Бе-[illegible] и [illegible]) [illegible] строительство 1500 руб-лей. В 1818 г. [illegible] А. Н. [illegible] подарил свой деревянный дом под здание училища и за это [illegible] смотрителем, хотя по-[illegible] не был [illegible] и поставлено на ме-сто. [illegible] только благода-ря И. И. Лажечникову, будущему известному писате-лю, который в 1820 г. стал директором учебных заве-дений Пензенской губернии.

Из [illegible], который [illegible] рассказ об училище, [illegible] автографа Ла-жечникова. 21 марта 1821 г. он запросил сведения у [illegible] Ф. П. [illegible]. «Рассмотрев оные, — писал Лажечников, — мог бы я с наступлением весны приступить к окончательным постройкам и к скорей-шему открытию училища».

Лажечников действовал энергично и 6 сентября 1821 г. [illegible] губернатору: «[illegible] училище [illegible] приготовлено к открытию, кото-рое [illegible] начальством в [illegible], то есть 15 сентября нынешнего года».

Учебных пособий было мало, обстановка классов убогая. [illegible] А. А. Греков, [illegible] [illegible] ([illegible] открытия училища не было и нет [illegible] мебели, кро-ме простых крестьянских почти стульев и столов. Да-же [illegible] принуждены приносить с собою в класс свои стулья, на которых могли бы сидеть, нет нужных ученических столов, скамеек, нет нужной для училища кафедры»[14].

В этом духе и реконструирована обстановка клас-са: в нем поставлены грубо изготовленные столы и

Уголок экспозиции в здании уездного училища

скамейки, стоит стул для учителя, на стене гравированный портрет царя Александра I и несколько гравюр и литографий с географическими видами и лубочными картинами о войне 1812 г.: «Русский Геркулес загнал французов в лес и давит их, как мух». «Русский мужик Вавила Морев на царской охоте». «Бегство французов из Москвы в 1812 году, октября 12 дня» (гравюра И. Карделли).

Сохранился и представлен в экспозиции «Реестр учащихся, по коим преподаются предметы в Чембарском уездном училище», составленный учителем А. А. Грековым 13 апреля 1825 г. Он относится к последним месяцам учения Белинского в Чембаре. В реестре на-

звания книги из «Священной истории», по российской грамматике и правописанию, всеобщей и российской истории, арифметике, физике, геометрии, всеобщей и российской географии. Реестр дает представление об училищной программе. Часть учебников, по которым занимался Белинский, находится в экспозиции. Это «Всеобщая история» профессора Царскосельского лицея И. Кайданова, «Курс всеобщей географии» профессора Санкт-Петербургского университета Е. Зябловского, «Краткая Российская история, изданная в пользу народных училищ Российской империи» и другие издания того времени.

Белинский был одним из лучших учеников. Его успехи наглядно демонстрирует «Ведомость Чембарского уездного училища за 1823—1824 академический год». Из 14 учеников 2-го класса названы 4 лучших, «с хорошими успехами», и среди них — Виссарион Белинский.

На рисунке Б. И. Лебедева «Экзамен в Чембарском уездном училище» запечатлен момент, описанный И. И. Лажечниковым в статье «Заметки для биографии Белинского». Мемуариста прежде всего поразила наружность Белинского, его раннее умственное развитие: «Лоб его был прекрасно развит, в глазах светился разум не по летам; худенький и маленький, он между тем на лицо казался старее, чем показывал его рост. Смотрел он очень серьезно». И далее Лажечников описал поведение Белинского во время экзамена, обратив особое внимание на его большие знания, умение ими пользоваться, его удивила независимость Белинского, наличие у него большого чувства собственного достоинства: «На все заданные ему вопросы он отвечал так скоро, легко, с такою уверенностию, будто налетал на них, как ястреб на свою добычу (отчего я тут же прозвал его ястребком), и отвечал большею частию своими словами, прибавляя ими то, чего не

Классная комната в уездном [illegible]

было даже в казенном руководстве, — доказательство, что он читал и книги, не положенные в классах. Я особенно занялся им, бросался с ним от одного предмета к другому, связывал их непрерывною цепью, и, признаюсь, старался сбить его. Мальчик вышел из трудного испытания с торжеством. Это меня приятно изумило, также и то, что штатный смотритель (Авр. Греков) не конфузился, что его ученик говорит не слово в слово по учебной книжке (как я привык видеть и с чем боролся немало в других училищах). Напротив, лицо доброго и умного смотрителя сияло радостью, как будто он видел в этом торжество собственное. Я спросил его, кто этот мальчик. Виссарион Белинский, сын здешнего уездного штаб-лекаря, — сказал он мне» 19.

Судя по заключительным строкам этого воспоминания, А. А. Греков был человеком с хорошими знаниями, придерживался передовых педагогических приемов в преподавании предметов и помог развитию богатых природных способностей своего ученика.

Но главным источником пополнения знаний были для Белинского книги, и чтение стало его любимым занятием. О круге его чтения в этот период мы узнаем из рецензии на книгу «Стихотворения А. Коптева» (СПб, 1841). В ней критик писал: «Вы не поверите, как обрадовали меня «Стихотворения» г. А. Коптева, в какое восхищение привели они меня! Они напомнили мне то невинное, золотое время детства, когда, еще будучи мальчиком и учеником уездного училища, я в огромные кипы тетрадей неутомимо, денно и нощно, и без всякого разбору, списывал стихотворения Карамзина, Дмитриева, Сумарокова, Державина, Хераскова, Петрова, Станевича, Богдановича, Максима Невзорова, Кропотова и других, когда я плакал, читая «Бедную Лизу» и «Марьину рощу», и вменял себе в сладчайшую обязанность бродить по полям при томном свете луны, с понурым видом a la Эраст Чертополохов» (герой одноименной повести П. Л. Яковлева).

Почти все книги перечисленных авторов представлены в экспозиции. Позднее в критических статьях Белинский дал оценку творчества этих писателей, показал свое отношение к ним в детстве. Первым любимым поэтом будущего критика был Державин. «Я в детстве знал Державина наизусть», — писал Белинский в 1842 г. и тут же привел пример, какую популярность имела его ода «Бог». «Каким мистическим уважением пользовалась в старину эта ода, может служить доказательством нелепая сказка, которую каждый из нас слышал в детстве, будто ода «Бог» переведена даже на китайский язык и, вышитая шелками на щите, поставлена над кроватью богдыхана»[1].

Подрастая, будущий критик увлекся стихотворными произведениями В. А. Жуковского. «Явился Жуковский с своими унылыми и мелодическими стихотворениями, которые все сделали свое дело, принесли свою пользу. Кто теперь будет читать или, читая, восхищаться такими пьесами, как «Над прозрачными водами» или «Мой друг, хранитель ангел мой»? А тогда! Да, я еще сам помню, что такое были они для меня, после стихов Державина и его подражателей»[23].

Наряду с В. А. Жуковским любимым поэтом Белинского был Н. М. Карамзин. О своем пристрастии этим поэтам он писал в рецензии на «Стихотворения А. Кольцова»: «Воспоминания детства так обольстительны, к тому же природа дала мне самое чувствительное сердце и сделала меня поэтом, ибо, еще будучи учеником уездного училища, я писал баллады и думал, что они не хуже баллад Жуковского, а не хуже «Рассказа» Карамзина, от которой я тогда сходил с ума»[24].

Упомянул Белинский и о том, какое впечатление произвели на него прозаические произведения Карамзина: «Кто из нас не упивался в детстве его повестями, не мечтал и не плакал с его сочинениями? А ведь воспоминания детства так сладостны, так обольстительны»[24].

Но детство Белинского кончается, пришлось серьезно подумать о продолжении образования. Уездное училище, по-видимому, дало все, что могло дать, и с 1 августа 1825 г. Белинский становится пензенским гимназистом.

В гимназии

Старые фотографии XIX в., из большого альбома Вакселя, изображают губернский город Пензу живописно раскинувшимся на левом берегу Суры, на склоне высокого холма. До настоящего времени сохрани-

[illegible] на углу современных улиц [illegible] Маркса и [illegible] (в экспозиции представлена фотография). В нем находилась Пензенская гимназия, в стенах [illegible] Белинский провел время с августа 1825 по декабрь 1828 г.

Учебные занятия в то время в отличие от настоящего строились совсем по другой системе: не было строгой преемственности между разными учебными дисциплинами, т. е. единой системы образования, [illegible] выбирать предметы, так как посещение всех предметов не было обязательным, знания учащихся [illegible] суммарно по количеству средних баллов, набранных за все предметы.

Судя по ведомостям об успехах и поведении учеников [illegible] губернской гимназии за 1826—1828 гг., выставленным в экспозиции, во 2-м и 3-м классах Белинский [illegible] изучением иностранных языков [illegible] часто [illegible] не посещал уроки [illegible] по-видимому, его мало интересовали уроки математики, так как по этому предмету оценки были плохими. Нужно сказать, что часть предметов изучалась в гимназии по тем же учебным пособиям, которые были и в уездном училище. Не всегда посещал Белинский и свои любимые уроки. Так, в [illegible] г. он пропустил шесть уроков российской словесности из десяти, но имел «четыре» — лучшую оценку. [illegible] преподавание [illegible] удовлетворяло его. Знания Белинского были много обширнее. Так, уже в гимназии он мечтал о написании своего учебника языка и литературы.

«Я теперь обдумываю план большого сочинения под названием «Полный курс словесности для начинающих»... — писал он в 1837 г. Д. П. Иванову. — Еще будучи в гимназии, я мечтал о сочинении этой книги; теперь настало время, потому что мысли мои об этих предметах созрели»

Блестящие успехи показал Белинский в логике и риторике. В экспозиции [illegible] «Руковод-ство к механике, изданное в пользу народных училищ Российской империи (СПб. 1790) [illegible] произ[illegible] [illegible] Пензенской гимназии ученику 2-го класса Виссари-ну Белынскому за благоправие и успехи из логики и риторики, истории и географии дан в торжественном собрании [illegible] 25 [illegible] 1827 [illegible] [illegible] подписью [illegible] ректора гимназии Николая Дмитриевского

В ведомости за 1827 г. напротив перечисленных предметов стоят лучшие баллы «четыре» и «четыре с плюсом».

В части экспозиции, посвященной пребыванию Белинского в Пензенской гимназии, рядом с [illegible] [illegible] (карты [illegible] Российской империи 1786 г. издания и т. д.), выставлено большое количество подлинных книг из гимназической библиотеки.

Белинский отличался великим трудолюбием. Не удовлетворяясь официальным преподаванием, он много времени тратил на самообразование. «[illegible] не пропадала у него даром, — писал Д. П. Иванов, — он или читал, или списывал что-нибудь прочитанное в тетрадь, или беседовал с любимыми [illegible] или предавался в одиночку размышлениям»

Та часть гимназической библиотеки, которая хранится в музее, насчитывает около 800 экземпляров книг и журналов, изданных до 1829 г., т. е. до того, как Белинский покинул Пензу.

Несколько десятков книг имеют пометки первого директора [illegible] Захарьина, который [illegible] библиотеку гимназии [illegible] на долго: самая старая книга в известной нам ее части — «Древняя история» Роллена, [illegible]

русский язык В. К. Тредиаковским (т. I), издана в 1749 г.

В экспонируемой части гимназической библиотеки больше всего сочинений русских писателей и поэтов XVIII в. (Сумарокова, Хераскова, Богдановича, Новикова, Державина, Княжнина, Петрова). С большинством из них Белинский познакомился еще в Чембаре, но в Пензе их сочинения были представлены значительно полнее [illegible] произведения, которые он не мог достать в уездном городе. По-прежнему привлекала поэзия В. А. Жуковского. «Бывши во втором классе гимназии, я писал стихи и почитал себя [illegible] Жуковско[illegible], — [illegible] Белинский [illegible] гимназическому учителю М. М. Попову в 1830 г.

Но уже тогда Белинский [illegible] обращается к новым явлениям русской словесности.

«Помните ли вы то время нашей литературы, когда она казалась такою живою, разнообразною, пестрою, богатою, — когда не было конца литературным новостям, не было конца изумлению и наслаждению читателей? Прекрасное то было время! Тогда явился гений нашей поэзии, полный и могучий представитель русского духа в искусстве — Пушкин. Каждое его новое стихотворение, появлявшееся то в журнале, то в альманахе, расшевеливало все умы, настроенные ожиданием чудес его поэзии, было живою, чудною новостию» [47]

В экспозиции произведения А. С. Пушкина занимают самое большое место. Одна из первых публикаций — в журнале «Сын отечества» (№ 15, 1820), в нем помещен отрывок из третьей части «Людмилы и Руслана», как первоначально называлась эта поэма. Каким же удивлением должна была поразить читателей того времени сказочная поэма Пушкина, в кото-

Уголок экспозиции, посвященный пребыванию
В. Г. Белинского в Пензенской гимназии

Ещё было так ново, так оригинально, так обольстительно — и стих, которому подобного дотоле ничего не бывало, стих легкий, звучный, мелодический, гармонический, живой, эластический, и склад речи, и смелость кисти, и яркость красок, и грациозные шалости юной фантазии, и игривое остроумие, и самая вольность нецеломудренных, но тем не менее поэтических картин! По всему этому «Руслан и Людмила» — такая поэма, появление которой сделало эпоху в истории русской литературы»[2].

Несомненно, что на этой оценке отразились и личные впечатления критика от первого знакомства с поэмой.

За «Русланом и Людмилой» последовали новые [illegible] ставленная в экспозиции изданием 1824 г., «Бахчиса- [illegible] метил их огромную [illegible] пулярность: «И эти поэмы читались всею грамотною Россиею; они ходили в тетрадках, переписывались девушками, охотницами до [illegible] от учителя, сидельцами за прилавками магазинов и лавок. И это делалось не только в столицах, но даже и в уездных захолустьях»[26].

К числу учеников, занимавшихся переписыванием [illegible] переписаны такие стихотворения великого поэта, как [illegible] реписаны из альманахов «Северные цветы» на 1825 г. [illegible] 1825 г., представленные в экспозиции, хранились в [illegible] держал в своих руках, из них выписывал стихи.

В 20-е гг. XIX в. Пушкин был уже общепризнанным главою русской литературы. Но кроме него в ли[illegible] сте с ним создавали новую школу в русской поэзии [illegible]

К. Н. Батюшкова («Опыты в стихах и прозе, ч. II. Стихи» СПб, 1817). «В это время чувствительные души плакали над рукописным «Чернецом» Козлова и беспрестанно появлялись лирические произведения Козлова, Баратынского, Веневитинова, Полежаева, Вронченко, Подолинского, Языкова, Хомякова, Дельвига, Глинки (Ф. Н.), Тепловой, Озиобишина, Туманского, Шевырева (особенно как талантливого переводчика Шиллера), Шишкова 2-го — переводчика «Немецкого театра», Писарева (водевилиста) и пр. При этом довольно значительном числе дарований, действовавших в одно время и под влиянием одного общего светила — Пушкина, действовал и великий талант старого периода литературы — Жуковский, и действовал, казалось, с новою силою. Даже изредка являлись басни Крылова. Всегда игривая, остроумная, а нередко и трогающая грустным чувством муза князя Вяземского, казалось, получила новую жизнь. Мерзляков напоминал о себе в это время своими русскими песнями, Гнедич — отрывками из «Илиады», которая, наконец, и вполне была издана в 1830 году»[31]

На страницах записной книжки Белинского-гимназиста выписаны стихотворения Е. А. Баратынского «Елисейские поля», К. Н. Батюшкова «Карамзину», Н. И. Гнедича отрывок из «Илиады», В. А. Жуковского «Мщение», Н. М. Языкова «Родина», П. А. Вяземского «Графиням С. И. и С. И. Чернышевым в проезд их через Москву» и других перечисленных им поэтов.

Большая часть этих стихотворений была впервые опубликована на страницах органа декабристов альманаха «Полярная звезда» на 1823, 1824, 1825 гг. Читая этот альманах и другие издания декабристов, Белинский знакомился и с их произведениями, полными свободолюбивых мотивов. Но назвать имена поэтов-декабристов в печати Белинский по цензурным соображениям не мог.

«По истории и географии Белинский считался отличнейшим учеником: никто лучше его не обладал прелестью, увлекательностью рассказа; он был природный оратор, маленький Перикл, философ, каким и назвали его сами товарищи» — так рассказывал современник в воспоминаниях о тех впечатлениях, которые производил его родственник своими ответами по этим предметам [32].

Далее Д. П. Иванов отмечает, что учитель истории и географии С. И. Знаменский «был дилетант своей науки. Сам он плохо знал преподаваемые предметы и больше того, что сообщалось в учебниках, рассказывать не мог». Но, к его чести, пишет Д. П. Иванов, «...он с особенною любовью и одобрением выслушивал того ученика, который, передавая заданное, расширял объем его вставкою обстоятельств, почерпнутых из другого исторического руководства». Затем Д. П. Иванов описывает момент торжества будущего критика на уроке истории: «Белинский, по своей начитанности и мастерскому изложению, лучше всех удовлетворял этой наивной любознательности учителя, который по окончании рассказа всегда, бывало, говаривал: «Хорошо, очень хорошо, отлично, очень вам благодарен. Скажите, откуда вы это вычитали?» И когда Белинский называл источник, преподаватель снова рассыпался в похвалах и благодарности и ставил в заключение высший балл» [33].

Запомнились Д. П. Иванову и успехи Белинского по изучению другого любимого предмета: «С географией Белинскому еще легче было справиться при изумительно редкой памяти. Быстро передавая, например, наименование морей, озер, рек и т. п. в известной части света, он в то же время без всякого замедления указывал их на карте. Белинский издетства охотно занимался географией, едва ли не с училища знал наперечет все города Российской империи и прилал-

[illegible]ность ли в той или другой губернии; и впоследствии все московские квартиры его постоянно украшались картами всех частей света и, сверх того, России особенно»[34].

В библиотеке гимназии богато представлена русская журналистика XVIII — первой четверти XIX вв. (эти издания также помещены в экспозиции). Познакомившись со старыми журналами впервые в Пензе, Белинский на протяжении всей своей деятельности обращался к их изучению. В статье «Русская литературная старина» он писал: «Как бы ни нелепа была книга, как бы ни глуп был журнал, но если они принадлежат к сфере идей и мыслей, уже не существующих, если их оживляют интересы, к которым мы уже холодны, — то эта книга и этот журнал получают в наших глазах такое достоинство, какого они, может быть, не имели и в глазах современников: они делаются для нас живыми летописями прошедшего, говорящею могилою умерших мнений, интересов, забушевавших чувств, мыслей; вот почему, увидевши где-нибудь разрозненные номера «Покоящегося трудолюбца», «Аглаи», «Лицея», «Северного вестника», «Духа журналов», «Благонамеренного» и многих других почивших журналов, я читаю их с каким-то жадностью и даже увлечением»[35].

Современная Белинскому журналистика в дошедшей до нас части библиотеки гимназии представлена бедно, но дополнительным источником журналов и книг были для него культурные семьи пензенских купцов и чиновников Ивановых, Лебедевых, Писаревых, учитель М. М. Попов и др. В целом критик дал очень высокую оценку периодическим изданиям второй половины 20-х гг. XIX в.: «Что скажу я о журналах тогдашнего времени? Неужели упомяну о них? Они в то время получали такую важность в глазах публики, возбуждали в ней такое живое участие, играли такую

важную роль!.. Скажу, что почти все они, волею и неволею, умышленно и неумышленно, способствовали к распространению у нас новых понятий и взглядов; мы по ним учились и по ним выучились. Все они сделали все, что мог каждый по своим силам»[5].

Кроме печатавшихся в журналах художественных произведений Белинского, конечно, привлекали критические статьи. Слово «журналистика» в то время часто было синонимом «критики». Позднее в своих статьях Белинский назвал наиболее популярных критиков 1820-х гг.: А. А. Бестужева-Марлинского, Н. А. Полевого, Н. И. Надеждина, — подчеркнул внимание публики к основному вопросу того времени, смене классицизма романтизмом. Белинский опирался на свои собственные впечатления, когда писал в «Литературных мечтаниях»: «О них спорили до слез и в классах и в гостиных, и на площадях и на улицах!»[37].

Основоположником борьбы за романтизм Белинский считал А. А. Бестужева, который опубликовал в «Полярной звезде» на 1823 г. программную статью «Взгляд на старую и новую словесность России». Статьи Бестужева принципиально отличались от предшествующей критики. «Его обзоры русской словесности отличались умом, новостию взгляда, блестели яркими сравнениями, увлекали живым, красноречивым изложением»[38], — отмечал Белинский. Ввиду того что Бестужев был осужден за участие в восстании декабристов, несколько лет он не имел возможности печататься. Однако влияние высказанных им идей прослеживалось и в третьем десятилетии XIX в.: «Он был первый, сказавший в нашей литературе много нового так что все, писавшееся потом в «Телеграфе», было повторением уже сказанного им в его литературных обозрениях»[39].

Очень высокую оценку дал Белинский журналу, издававшемуся с 1825 г. Н. А. Полевым: «Московский

телеграф» был явлением необыкновенным во всех отношениях. Человек, почти вовсе неизвестный в литературе, нигде не учившийся, купец званием, берется за издание журнала, — и его журнал с первой же книжки изумляет всех живостию, свежестию, новостию, разнообразием, вкусом, хорошим языком, наконец, верностию в каждой строке однажды принятому и резко выразившемуся направлению... без всякого преувеличения можно сказать положительно, что «Московский телеграф» был решительно лучшим журналом в России, от начала журналистики»[40]. Этот журнал Белинский считал «как бы издававшимся для романтизма»[41].

Передавая восприятие журналов и критических статей читателями, Белинский опирался во многом на собственные впечатления и вспоминал то возбужденное внимание, с которым русское общество в «глуши провинции» встречало их появление.

В экспозиции помещен рукописный список двух первых глав романа в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Н. А. Полевой это произведение разобрал в 5-м томе «Московского телеграфа» за 1825 г., восторженно его оценив за народность, которая, по его мнению, заключалась в верном описании современных нравов. С Полевым яростно полемизировал Д. В. Веневитинов. Его «Разбор статьи о «Евгении Онегине», помещенной в 5-м томе «Московского телеграфа», был напечатан в 8-м номере журнала «Сын отечества» за 1825 г. Веневитинов, разделяя в это время настроения декабристов, считал, что первая глава романа слишком мутлива, обращена к «светской жизни», далека от гражданских чаяний.

Статья К. Ф. Рылеева «Несколько мыслей о поэзии», помещенная в 22-м номере «Сына отечества» за 1825 г., призывала деятелей искусства служить общественным интересам. Белинский несомненно знал и эти произведения.

половины 1820-х гг.: «Г-н Надеждин начал свое ли-

присутствовал Белинский.

нообразием и великолепием, со всею их заманчивою таинственностию! Что перед тобою был для меня и вечно голубой купол неба... Твои, о театр! тряпичные облака, масляное солнце, луна и звезды, твои холстинные деревья, твои деревянные моря и реки больше пророчили жадному чувству моему, больше говорили томящейся ожиданием чудес душе моей!»[1].

Внимательным и восторженным зрителем изображал Белинского художник Б. Лебедев (рисунок 1948 г.).

В экспозиции демонстрируется рисунок неизвестного художника «Театр в губернском городе» 30-х гг. XIX в., показаны афиши постановок пензенского театра за 1828 г. «Отелло», «Необитаемый остров», «Казачий офицер». Белинский любил смотреть также постановку трагедии А. П. Сумарокова «Димитрий Самозванец». На сцене театра Гладкова шли также пьесы В. А. Озерова «Эдип в Афинах» и «Димитрий Донской» Произведения Сумарокова и Озерова представлены в экспозиции в изданиях того времени.

Посещая представления в театре, наслаждаясь игрой крепостных артистов, Белинский знал об их горькой участи, возмущался издевательствами над ними помещика-тирана. Злоупотребления Гладкова были столь вопиющи, что власти были вынуждены взять его имение в опеку, об этом свидетельствует «Копия с решительного определения Пензенской палаты уголовного суда от 29 января 1832 г.»

Многие исследователи отмечали, что положение крепостных артистов в Пензе содействовало протесту Белинского против крепостного права, дало в его руки дополнительный фактический материал для создания драмы «Димитрий Калинин», в которой раскрывается судьба крепостного интеллигента.

Гимназию Белинский не окончил. Он стал равнодушно относиться к учебе: он обладал большими знаниями, чем некоторые учителя, мечтал об университете.

Он знал, что для поступления в него гимназический аттестат не требовался, и надеялся еще летом 1828 г. уехать в Москву. Белинский даже отказался в конце учебного года сдавать переводные экзамены, но, по-видимому, не получил поддержки со стороны родных и был вынужден стать второгодником. Теперь посещение гимназии потеряло всякий смысл. Белинский, как свидетельствует Д. П. Иванов, «к Рождеству уехал в Чембар и не возвращался уже в гимназию; заявлений о своем выходе из нее он не делал: никаких документов получать ему было не нужно, и вот почему в январе 1829 г. в гимназических ведомостях об нем было отмечено, что за нехождение в класс не рекомендуется, а в феврале того же года он был вычеркнут из списков, с отметкой: «За нехождение в класс»[4]. Февральская ведомость гимназии за 1829 г. подтверждает это сообщение Д. П. Иванова.

Время с декабря 1828 по август 1829 г. Белинский провел в Чембаре и много занимался самостоятельно, неотступно думая об университете. Он был готов на все, лишь бы уехать. Узнав, что в Москву отправляется его дальний родственник И. Н. Владыкин, он решил присоединиться к нему, хотя не успел еще выхлопотать необходимые для поездки документы. Пришлось выдать себя за лакея И. Н. Владыкина.

Перед отъездом Белинский дал обещание А. П. и Е. П. Ивановым описать свое путешествие и выполнил его. До нас дошло его письмо от 20 декабря 1829 г. и «Журнал моей поездки в Москву», где события излагаются «в виде повести или, лучше сказать, рассказа»

Не верилось, что он уезжает так далеко, раньше не приходилось покидать пределы Пензенской губернии. «Я расстался с вами с чувством совершенной холодности и спокойствия: мне казалось, что я еду не далее Владыкина», — обращается он к друзьям в начале рассказа. На самом деле ему предстояло впервые увидеть

обширнейшую часть России; до столицы нужно было проехать 650 верст. Весь путь Белинского в Москву можно проследить по «Генеральной карте Европейской части Российской империи с показанием почтовых дорог и расстояний в верстах между городами», изданной в Петербурге в 1831 г., маршрут поездки подробно излагается в «Журнале».

В Московском университете

Белинский ехал через Нижний Ломов, Спасск, Старую и Новую Рязань, Коломну и Бронницы. В пути Белинский внимательно присматривается к виду городов, его восхищает русская природа, леса, реки Цна и Ока, он зорко подмечает детали русской жизни, с юмором сообщает подробности маленьких дорожных происшествий.

Огромное впечатление произвела на него столица: «Хотя Москва сначала и не нравится, но чем более в ней живешь, тем более ее узнаешь, тем более ею пленяешься. Изо всех российских городов Москва есть истинный русский город, сохранивший свою национальную физиогномию, богатый историческими воспоминаниями, ознаменованный печатию священной древности, и зато нигде сердце русского не бьется так сильно, так радостно, как в Москве».

Белинский закончил «Журнал» описанием Кремля и памятника Минину и Пожарскому. «Монумент Минина и Пожарского стоит на Красной площади, против Кремля. Когда я прохожу мимо этого монумента, когда я рассматриваю его, друзья мои, что со мною тогда делается! Какие священные минуты доставляет мне это изваяние! Волосы дыбом поднимаются на голове моей, кровь быстро стремится по жилам, священным трепетом исполняется все существо мое, и холод пробегает по телу.. Может быть, время сокрушит эту бронзу, но

священные имена их не исчезнут в океане вечности. Поэт сохранит оные в вдохновенных песнях своих, скульптор в произведениях волшебного резца своего. Имена их бессмертны, как дела их. Они всегда будут воспламенять любовь к родине в сердцах своих потомков. Завидный удел! Счастливая участь!»[4]

Памятник, сосчитавший Белинского, изображен на литографии издания Дациаро «Москва. Красная площадь» (середина XIX в.).

Лично Белинского Москва встретила неприветливо. На заставе все-таки пришлось сказаться лакеем дворянина И. И. Владыкина, иначе его арестовали бы. Это неприятно задело самолюбие юноши. Из-за отсутствия паспорта и свидетельства о рождении его не допустили в августе и к экзаменам в университет. Только 11 сентября он получил нужные документы из дома, а на следующий день подал в правление университета прошение: «Родом я штаб-лекарский сын, от роду имею 19 лет, обучался в доме моих родителей, а ныне, желая продолжить курс наук, для большего моего образования, в императорском Московском университете, прошу Правление оного, по надлежащем меня испытании, принять в число студентов оного университета и допустить к слушанию лекций по словесному отделению».

19 сентября Белинский держал вступительные экзамены у профессоров Перевощикова (математика), Терновского (закон божий), Гаврилова (словесность), Погодина (история и география), Ивашковского (древние языки), Кистера и Геннекена (немецкий и французский языки). Экзамены прошли успешно, профессора сообщили в правление университета, что они «испытывали Виссариона Белинского в языках и науках, требуемых от вступающих в университет в звании студента, и нашли его достойным к слушанию профессорских лекций в сем звании».

Мечта Белинского осуществилась. С восторгом пи-

шет он родителям 26—30 сентября 1829 г.: «С величайшей радостию и нетерпением спешу уведомить вас, что я принят в число студентов императорского Московского университета... Тем более меня радует и восхищает принятие в университет, что я оному обязан не покровительству и стараниям кого-нибудь, но собственно самому себе». Далее прилагается выбранная Белинским программа: «Я начал ходить на лекции и записался на первый академический год у следующих профессоров словесного отделения: у Каченовского, который читает историю русскую и статистику, Победоносцева, который читает словесность,

Терновского, — « — богословие,
Ульрихса, — « — всеобщую историю,
Кубарева, — « — латинскую словесность,
Евлампия, — « — французскую словесность,
Кистера, — « — немецкую словесность,
Оболенского, — « — греческую словесность».

Белинский по-разному оценивал роль Московского университета в жизни России, у него есть резко отрицательные отзывы, но общая оценка несомненно положительная. «Московский университет — единственное высшее учебное заведение в России; он не знает себе соперников. В Московском университете есть дух жизни, и его движение, его ход к усовершенствованию так быстр, что каждый год он уходит вперед на видимое расстояние» [45].

Портреты лиц, оказавших значительное воздействие на Белинского, вместе с материалами, характеризующими их деятельность, широко представлены в экспозиции. Среди названных в письме к родителям профессоров университета особо выделяется М. Т. Каченовский. Белинский искренне уважал профессора, который был противником Карамзина, не принимал его «Истории государства Российского», ее концепции, на-

правленной на защиту роли и прав дворянства, оправдание крепостного права. Каченовский, в будущем ставший главой «скептической школы» русских историков, сразу же по выходе первых томов труда Карамзина поместил в 1818—1819 гг. в «Вестнике Европы» статью «От киевского жителя к его другу», в которой развил мысль об отсталости методологических позиций Карамзина, отверг стремление историка быть моралистом и требовал вместо художественного повествования критического отношения к источникам и верного изображения минувшего. Белинский не терпел отсталого, косного, отжившего. В «Литературных мечтаниях» критик писал: «Я не ученый и в истории смыслю весьма немного... Теперь у нас две исторические школы: Шлецера и г. Каченовского. Одна опирается на давности, привычки, уважение к авторитету ее основателя; другая, сколько я понимаю, на здравом смысле и глубокой учености. Вследствие чего мне кажется очень естественным, что настоящее поколение, чуждое воспоминаний старины и предубеждений авторитетов, горячо приняло исторические мнения г. Каченовского»[1]. Пользовался популярностью курс русской и всеобщей истории, который вел М. П. Погодин. Об интересе начинающего критика к его лекциям говорит рукописная тетрадь «Русская история. Лекции, читанные адъюнктом Московского университета Погодиным. 1833 год. Принадлежит Виссариону Белинскому». Он переписал курс Погодина, уже покинув университет. По воспоминаниям современников, лекции Погодина были полезны начинающим студентам, так как вводили их в проблемы современной историографии. Белинский знал о деятельности Погодина еще в Пензе прежде всего как издателя журнала «Московский вестник» и автора ряда повестей. Позднее Белинский высказался о них сочувственно в статье «О русской повести и повестях г. Гоголя».

Автором выставленной в экспозиции книги «Краткое начертание теории изящной словесности в двух частях» (М., 1822) был А. Ф. Мерзляков. Гимназисту Белинскому он также был известен как критик, переводчик и автор песен, в университете студент Белинский посещал его лекции по курсу «Российского красноречия и поэзии». «Мы сами слышали однажды, как глава классических критиков, почтенный, умный и даровитый Мерзляков, сказал с кафедры: «Пушкин пишет хорошо, но, бога ради, не называйте его сочинений поэмами!» — вспоминал сам критик в статье о Пушкине [48].

Белинский высоко ценил Мерзлякова-критика за борьбу с литературными староверами, за развенчание авторитетов Сумарокова, Хераскова и других писателей XVIII в., хотя в общем отрицательно относился к его теории, основанной на правилах классицизма.

С симпатией относился Белинский и к профессору университета Н. И. Надеждину, который читал курс эстетики и теории искусства. В его трудах провозглашался лозунг: «Где жизнь — там поэзия». Это была установка нового реалистического направления в искусстве, направления, активным сторонником которого вскоре стал сам Белинский.

Но в целом университетская наука не могла удовлетворить запросов Белинского и лучших студентов. Белинский поступил в университет на словесное отделение, чтобы углубленно изучать русскую литературу, он пришел, уже будучи страстным поклонником Пушкина, а в лице своего преподавателя — профессора П. В. Победоносцева нашел автора работы «Заслуги Хераскова в отечественной словесности», творчество которого в значительной степени развенчал А. Ф. Мерзляков. Белинский свое отношение к Хераскову выразил в письме к родителям от 9 октября 1829 г. «Видел университетскую библиотеку... там стоят алебастровые бюсты

великих гениев: Ломоносова, Державина, Карамзина. Жалко, что между помянутыми бюстами великих писателей стоят бюсты — площадного Сумарокова, холодного, напыщенного и сухого Хераскова». Естественно, что лекции Победоносцева не могли нравиться Белинскому, и он вскоре охладел к занятиям. В конце первого года на экзамене Победоносцева по русской словесности он получил «тройку», а в конце второго года — «двойку».

Именно под впечатлением преподавания Победоносцева и подобных ему у Белинского вырвались горькие слова: «Ни в одном русском университете нельзя положить молодому человеку прочного основания для будущих его занятий наукою и что для человека, посвящающего всю жизнь свою знанию, время, проведенное им в университете, есть потерянное, погубленное время».

С большим усердием будущий критик занимался самообразованием. Он по-прежнему увлекается новейшей литературой и журналами. Н. Х. Кетчер позднее вспоминал: «Белинский действительно учился в университете плохо, т. е. мало занимался лекциями и хотел больше все читать русские журналы в «Железный трактир», который был тогда напротив университета». Сам Белинский отметил многие достоинства журналов, издававшихся в Москве на рубеже 1820—1830 гг., был восхищен их количеством и противоположностью направлений. В статье «Русская литература в 1840 году» он дал характеристику этим изданиям: «До 1831 года в одной Москве было больше журналов, в сущности, чем теперь в обеих столицах по числу. Не говоря уже о «Телеграфе», которого важная заслуга единодушно признана теперь и друзьями и недругами покойника; не говоря о «Московском вестнике», знакомившем нашу публику с германскою литературою и германским воззрением на жизнь, науку и искусство, — самый «Вестник Европы», доживавший тогда свои последние годы,

был явлением примечательным и интересным. Это была — умирающая мысль, отстаивающая себя в отчаянной схватке против враждебной новизны... Какое характеристическое издание было в начале и в конце своем — «Телескоп»! Да, тогда имя было вместе и делом...» [61].

В Москве В. Г. Белинский остался верен обычаю, сложившемуся у него еще в Чембаре, — выписывать избранные стихотворения в особые тетрадки. Московскую тетрадь заполняют стихотворения поэтов, вошедших в литературу во второй половине 20-х гг.: Веневитинова, Полежаева, Хомякова, Языкова. Переписаны два замечательных стихотворения А. С. Пушкина: «Стансы» и «Пророк». Оба эти произведения впервые были опубликованы на страницах журнала «Московский вестник». Стихотворение Полежаева «Живой мертвец» было напоминанием о жертвах первых лет царствования Николая I, подавившего восстание декабристов и разгромившего кружки передовой молодежи в конце 20-х гг. Из альманаха «Денница» на 1830 г. Белинский выписал «Песню» Языкова («Нелюдимо наше море»), которая стала студенческим гимном. В этой тетради вписаны также стихи второстепенных поэтов Загорского, Туманского, Олина, Башилова.

Во время учебы в университете Белинский был страстным сторонником нового литературного направления. По воспоминаниям его университетского товарища Прозорова, «Пушкин приводил нас в неописанный восторг. Между младшими студентами самым ревностным поборником романтизма был Белинский, который отличался необыкновенной горячностью в спорах и, казалось, готов был вызвать на битву всех, кто противоречил его убеждениям. Увлекаясь пылкостью, он едко и беспощадно преследовал все пошлое и фальшивое, был жестоким гонителем всего, что отзывалось риторикою и литературным старовером. Доставалось от него ино-

гда не только Ломоносову, но и Державину за риторические стихи и пустозвонные фразы»[52].

Вскоре после поступления в университет В. Г. Белинский на почве общих интересов подружился с некоторыми студентами, прежде всего с Н. Л. Григорьевым, сыном помещика Чембарского уезда, москвичом П. Я. Петровым. В письме Ивановым Белинский так рассказал о своем сближении с Петровым: «Кстати скажу Вам, что я подружился с П. Я. Петровым, приятелем Н. Л. Григорьева. Мы часто бываем вместе; судим о литературе, науках и других благородных предметах и всегда расстаемся с новыми идеями и новыми мыслями. Вот дружба, которою я могу по справедливости хвалиться! С П. Я. Петровым я в первое свидание не говорил ни слова, во второе поспорил, а в третье подружился. Что за человек! Какие познания! Какие способности! Он превосходно знает по-французски; может читать германских и итальянских писателей и отчасти говорить на их языках. Знает несколько по-английски, хорошо по-арабски и персидски. Пишет прекрасные стихи. В занятиях языками и науками неутомим, как Тредьяковский. Он еще хорошо знает по-латыни и порядочно по-гречески. Жажда к познанию языков в нем удивительна, хочет учиться еще по-санскритски и турецки. Особенно любит восточные языки».

Кроме всего прочего, П. Я. Петров был переводчиком. Отрывок из поэмы Джона Мильтона «Потерянный рай» в переводе П. Я. Петрова с посвящением В. Г. Белинскому был напечатан в 22-м номере журнала «Галатея» за 1830 г.

Н. Л. Григорьев перевел с итальянского языка роман итальянского революционера Уго Фосколо «Письма Якова Ортиса», который был издан в Москве в 1831 г.

Друг Белинского М. Б. Чистяков тоже интересовался литературой и во время учебы в университете издал переведенную им книгу немецкого философа

Бахмана «Всеобщее начертание теории изящных искусств» (М., 1832).

Эти книги в экспозиции.

Первым критическим опытом самого Белинского явилась рецензия на анонимную брошюру «О «Борисе Годунове», сочинение Александра Пушкина. Разговор. Москва. В университетской типографии. 1831», которая была помещена в номере 15-м журнала «Листок» за 1831 г. В небольшой заметке Белинский, изложив мнения ведущих русских журналистов К. А. Полевого, И. В. Киреевского, Н. И. Надеждина об этом произведении Пушкина, **высоко оценил это произведение.**

Так началась критическая деятельность Белинского, началась с оценки творчества великого русского поэта.

Уже через полтора месяца после приезда в столицу в письме родителям от 9 октября 1829 г. он сообщает: «Я был четыре раза в театре... Видел в ролях Отелло и Карла Моора знаменитого Мочалова, первого, лучшего трагического московского актера, единственного соперника Каратыгина. Гений мой слишком слаб, слишком ничтожен, недостаточен, чтобы достойно описать игру сего неподражаемого актера, сего необыкновенного гения, сего великого артиста драматического искусства. Лучший комический актер здесь — Щепкин: это не человек, а дьявол: вот лучшая и справедливейшая похвала его».

О знакомстве Белинского с театральной жизнью Москвы рассказывают следующие экспонаты: акварель неизвестного художника 20-х гг. XIX в. «Большой и Малый театры в Москве» (копия К. Батуевой); «М. С. Щепкин в роли Гарпагона» (рисунок В. Сизова 30-е гг. XIX в. Копия Г. П. Протопопова); афиша Большого театра в Москве за 1835 г. о представлении «Разбойников» (в роли Карла Моора выступил

П. С. Мочалов); журнал «Галатея», номер 7, 1829 г. (разбор постановки трагедии Фридриха Шиллера «Разбойники») и другие материалы. «Театр мне необходимо должно посещать для образования своего вкуса и для того, чтобы, видя игру великих артистов, иметь толк в этом божественном искусстве. Я пошел по такому отделению, которое требует, чтобы иметь познание и толк во всех изящных искусствах», — писал Белинский матери.

Но вокруг кипела бурная студенческая жизнь, в стране и за рубежом происходили важные события, Белинский не мог остаться к ним равнодушным.

Подавив восстание декабристов, царское правительство настойчиво проводило политику преследования всего прогрессивного. Одним из очагов бунтарских настроений был Московский университет. Незадолго до поступления в него Белинского были разгромлены тайные студенческие общества братьев Критских и Сунгурова. Одновременно с Белинским в университете учились Герцен, Огарев, Лермонтов, в каждом из которых по-своему готовились провозвестники грядущей вольности. Боясь проникновения революционных идей в умы студентов, правительство бдительно следило за любым их шагом. Даже при поступлении в университет каждый из них должен был дать обязательство о непринадлежности к тайным обществам. Такой документ подписал и будущий критик: «Я, нижеподписавшийся, сим объявляю, что я ни к какой масонской ложе и ни к какому тайному обществу ни внутри империи, ни вне ее не принадлежу, и обязуюсь впредь к оным не принадлежать и никаких сношений с ними не иметь. Своекоштный студент словесного отделения Виссарион Григорьев сын Белинский».

Большое влияние на развитие вольнолюбивых мыслей, революционных настроений многих студентов оказали события 1830 г. Газета «Северная пчела» (по-

мер 93 от 5 августа 1830 г.) сообщала о восстании в Париже, свержении Карла X, о принятии герцогом Орлеанским звания главного наместника королевства. Во Франции победила июльская революция. В номере от 29 ноября та же «Северная пчела» напечатала сообщение о событиях в Варшаве: «17 ноября, в половине восьмого часа вечера, вооруженная толпа пехотных подпрапорщиков и людей, одетых в партикулярное платье, устремилась на Бельведер и после нескольких выстрелов, под самыми окнами дворца произведенных, ворвалась во внутренние покои его императорского высочества цесаревича. В продолжение 18 числа возмущение в Варшаве постепенно возрастало, и польские армейские войска сильно поддерживали мятежников».

В начале марта 1831 г. в Московском университете случилось происшествие, которое встревожило московские власти: казеннокоштные студенты, недовольные скверной пищей, сговорившись, не пошли обедать в столовую. Студенты из одиннадцатого нумера, в котором жил Белинский, приняли активное участие в этом выступлении. Белинский находился на казенном коште и о своем положении незадолго до этого выступления писал родителям в письме от 17 февраля 1831 г.: «Бывало, в номере жило не более как по десяти, или много-много по одиннадцати человек, а теперь по пятнадцати, семнадцати и девятнадцати. Сами посудите: можно ли при таком многолюдстве заниматься делом? Пища в столовой так мерзка, так гнусна, что невозможно есть. Я удивляюсь, каким образом мы уцелели от холеры, питаясь пакостною падалью, стервятиной и супом с червями. Невозможно исчислить всех неудобств казенного кошта».

16 марта 1831 г. студенты изгнали из аудитории бездарного и реакционного профессора М. Я. Малова. Этот факт был также хорошо известен Белинскому, что в письме родителям от 21 мая он сообщал: «В

университете нашем произошли важные перемены... Скажу только, что дуракам-профессорам житья нет, да и только. Одного скота недавно освистали и ошикали на лекции, и за это его же приказано выгнать из университета».

Как установил М. Я. Поляков, Белинский в это время был связан с революционно настроенными поляками, проживавшими в Москве. Об этом свидетельствуют помещенные в экспозиции «Дело III отделения «О песне возмутительного содержания, найденной в доме Чаусовского городничего Силина, 1833 год» и лист того же дела с упоминанием фамилии Белинского в показаниях Тадеуша Лада-Заблоцкого, который свидетельствовал, что именно Белинский ввел его в один из **центров польской оппозиции в Москве.**

О неблагонадежности других питомцев Московского университета свидетельствует «Дело III отделения о лицах, певших в Москве пасквильные песни. Об **Александре Герцене. 1834 год».**

От проницательного взгляда Белинского не укрылся факт проявления «неудовольствия» к университету со стороны царя, о котором он сообщил в письме родителям от 21 ноября 1831 г.: «Теперь в Москве гостит государь император с государынею императрицею. Государь был везде, кроме университета! Даже гимназия удостоилась его высокого посещения, а мы его уже и не ждем.. По всему видно, что Московско**му университету настает кончина!»**

Драма «Дмитрий Калинин Изгнание из университета

Осенью 1830 г., во время эпидемии холеры в Москве, Белинский вместе со своими товарищами, казеннокоштными студентами, был послан на карантин, кото-

рий продолжался около трех месяцев. В этот период было прекращено чтение лекций, закрыты театры. Студенты свободное время заполняли самодеятельными театральными постановками, чтением и обсуждением литературы, своих собственных сочинений. Белинский пробует свои силы в драме, начатой еще во время летних каникул 1830 г. Затворничество помогло завершить ее. В письме к Ивановым от 13 января 1831 г. Белинский сообщал: «Я кончил свою трагедию — и вы скоро будете иметь удовольствие читать ее в печати. В продолжение холеры нас заперли. Для рассеяния от скуки я и еще человек с пять затворников составили маленькое литературное общество. Еженедельно было у нас собрание, в котором каждый из членов читал свое сочинение. Это общество, кончившееся седьмым заседанием, принесло мне ту пользу, что заставило меня окончить мою трагедию, которая без этого едва ли бы когда-нибудь была написана. Если я разживусь через нее казною, то употреблю оную на то, чтобы сорваться с казенного кошта, который так сладок, что при одном воспоминании об оном текут из глаз не водяные, а кровавые слезы!» Впоследствии кружок был назван исследователями «литературным обществом **одиннадцатого нумера».**

Белинский хотел видеть свое произведение в печати, кроме всего прочего он надеялся получить материальную независимость, избавиться от ненавистного **казенного кошта.**

Идейную направленность драмы «Дмитрий Калинин» В. Г. Белинский в другом письме выразил словами: «В этом сочинении со всем жаром сердца, пламенеющего любовию к истине, со всем негодованием души, ненавидящей несправедливость, — я в картине холодно живой и верной представил тиранство людей, присвоивших себе гибельное и несправедливое право **мучить себе подобных».**

В литературном музее хранится машинописный экземпляр драмы «Дмитрий Калинин» из фонда декорации театральной постановки этой пьесы в Пензенском областном драматическом театре им. А. В. Луначарского. Долгое время считалось, что это произведение пригодно лишь для чтения, а не для сцены. Но ее постановка, талантливая игра артистов опровергли это мнение. Пьеса была поставлена в 1957 г., шла с большим успехом в течение нескольких лет. В экспозиции показаны также фотографии сцен из этого спектакля.

Содержание драмы — судьба крепостного интеллигента, восставшего против своего положения и погибшего в неравной борьбе с крепостниками-помещиками.

Белинский одним из самых первых в истории русской литературы обратился к изображению образованного, пылкого, жаждущего свободной воли молодого человека, которого губит крепостное состояние.

Драма «Дмитрий Калинин» явилась для Белинского итогом его наблюдений за жизнью крепостного мира и дворянства, его размышлений о судьбе человека в условиях крепостнической России. Сказалось в произведении и широкое знакомство автора с русской и мировой литературой, передовыми идеями своего времени.

Драма в широком философском смысле обобщила тот громадный материал, который Белинский вынес из Пензенской губернии, в этом отношении она закономерно венчает период жизни великого критика, который связан с Чембаром и Пензой. Письма Белинского и документы, выставленные в экспозиции, с непреложностью свидетельствуют об этом.

Совершенно точно устанавливаются жизненные прототипы: «Не могу решительно определить достоинство моего сочинения, но скажу, что оно много наделает шуму. Вы в нем увидите многие лица, довольно вам известные», — говорил Белинский в письме родителям от 22 января 1831 г.

На связь героев драмы с их прототипами из среды помещиков, крестьян, интеллигентов Пензенской губернии обращали внимание многие исследователи творчества Белинского — П. К. Шугаев, М. П. Молебнов и другие, но обстоятельно доказала эту связь с привлечением многих документов, хранящихся в Пензенском облархиве, и сопоставлением их со сходными ситуациями на страницах драмы В. С. Нечаева [33].

Фамилию главного героя носило реальное лицо. В ведомостях об успехах и поведении учеников Пензенской гимназии за 1826/27 учебный год среди учеников 1-го класса значится Дмитрий Калинин, у которого отец «дворовый человек Егор». Предполагается, что Дмитрий Калинин был незаконнорожденным сыном какого-то помещика. Среди учащихся гимназии это был единственный крепостной.

На странице рукописи цензурного экземпляра драмы «Дмитрий Калинин» можно прочитать слова главного героя, объясняющие формирование своего характера: «У моего благодетеля была огромная библиотека, и потому чтение рано сделалось любимейшим моим занятием. Оно образовало мой вкус и, питая начинавшие обнаруживаться во мне страсти, дало мне благородное направление. Напитанная духом поэзии, душа моя окрылялась каким-то невыразимым восторгом. В ней пробудилась любовь ко всему высокому, благородному».

Но культурный, начитанный, благородный человек остается крепостным, и это обстоятельство определяет трагическое развитие действия и его развязку.

В некоторой степени прототипом героя драмы был крепостной интеллигент Чембарского уезда Максим Петров. Его судьба могла быть известна Белинскому со слов отца, который подписал документ об освидетельствовании Максима Петрова, изувеченного помещиком Дубасовым.

Другие лица трагедии соотносятся с членами семьи помещиков села Полины Чембарского уезда Мосоловых. Ее состав такой же, как и в семье «благодетеля» Дмитрия Калинина, — два сына и дочь.

На страницах драмы возлюбленная Дмитрия Софья так характеризует своих братьев: «А если бы ты знал моих любезных братцев! Не буду много говорить тебе об них, скажу только, что буйство, повесничество, жестокость и полуневежество есть отличительные качества этих полуварваров!» «Дело об отставном штабс-капитане Александре Мосолове, судящемся за разные противузаконные поступки», представленное в экспозиции, свидетельствует о близости прототипов и персонажей.

Портрет Софьи, описанный главным героем, напоминает образ Анны Петровны Мосоловой, с которой Белинский был дружен: «Она имеет высокий рост, величественную осанку; на возвышенном челе ее отражаются признаки ума и благородства. Ты не можешь представить себе, какую неизъяснимую прелесть имеют ее черные живые глаза, как пламенны, горды ее взоры, как сладостен ее голос, как очаровательна улыбка!» Сходные замечания высказывал об А. П. Мосоловой в письме Г. П. Ивановой к В. Г. Белинскому от начала января 1831 г. Это произведение было направлено против тяжелого материального и правового положения крепостных крестьян.

В экспозиции представлено «Донесение чиновника Юрасова Пензенскому губернатору о бедственном положении крестьян на хуторе Богохранимом». Это селение принадлежало Мосоловым.

Обобщив большой фактический материал, Белинский в драме «Дмитрий Калинин» показал острый социальный конфликт между крепостным интеллигентом и помещиками, правдивость в изображении бытовых сцен подчеркивает реальность конфликта. Однако, по

словам исследователя, «основное значение этого произведения кроется «в той насыщенности передовыми идеями и в том призыве к борьбе за них, которые делают ее совершенно исключительным явлением и в литературной, и в общественно-политической жизни рубежа 1820—1830-х годов»[4]. Эти идеи были почерпнуты В. Г. Белинским из прочитанных книг передовых русских и зарубежных писателей, явились итогом его собственных исканий, что он подчеркивает в предисловии к драме: «Чтение поэтов, чтение истории, углубление в самого себя, печали, радости... кипение страстей, порыв к чему-то неопределенному... волнуют юный, неопытный ум, как неразрешимая, но слабо понимаемая каким-то темным чувством загадка»[5]. В экспозиции много книг, ставших литературными источниками драмы «Дмитрий Калинин». Следует отметить некоторые.

Прямых доказательств, что Белинский читал в юности радищевское «Путешествие из Петербурга в Москву», нет, но оба их произведения наполнены протестом против крепостного права, у Радищева его обличителем является сам автор, а у Белинского — герой драмы, крепостной, познавший до активного протеста. Следует отметить, что в Пензенской гимназии вместе с Белинским и Д. Калининым учился Николай Карилин, воспитанник И. А. Радищева, сына писателя-революционера.

Много сходных ситуаций можно найти в драме «Дмитрий Калинин» и комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль». Основное различие состоит в развязке. Имение Простаковых берется в опеку по распоряжению властей. Лесинские получили свободу и свои владения из рук своего крепостного — жертвы их произвола.

Очень близкими по смыслу являются сцены комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» и драмы В. Г. Белинского, где дворянское общество с презрением относится к образованию, к университетской науке. Как и

Чацкий, герой драмы Белинского противопоставлен обществу, они люди передовых взглядов, бросающие этому обществу свой вызов. Но если Чацкий объявлен сумасшедшим, то Калинин гибнет в неравной борьбе.

Есть в драме и автобиографические моменты. Белинский показал увлечение действующих лиц историей, преклонение перед великими героями прошлого. Возлюбленная Дмитрия Софья произносит страстный монолог: «Когда ты читал мне, как Брут казнил сыновей своих, как окончили жизнь свою Лукреция, Виргиния, Клеопатра, как умерли, защищая свободу, два последние римлянина, как Сусанин жертвовал за царя своею жизнию, — я пристально смотрела на лицо твое и с восторгом замечала, что оно пылало, что глаза твои сверкали, что ты весь трепетал, Дмитрий! неужели эти благородные движения были не чем иным, как низким притворством? Дмитрий! Слышишь ли ты голос этих великих теней: они говорят тебе, что убить себя не есть преступление, когда честь запрещает жить!»

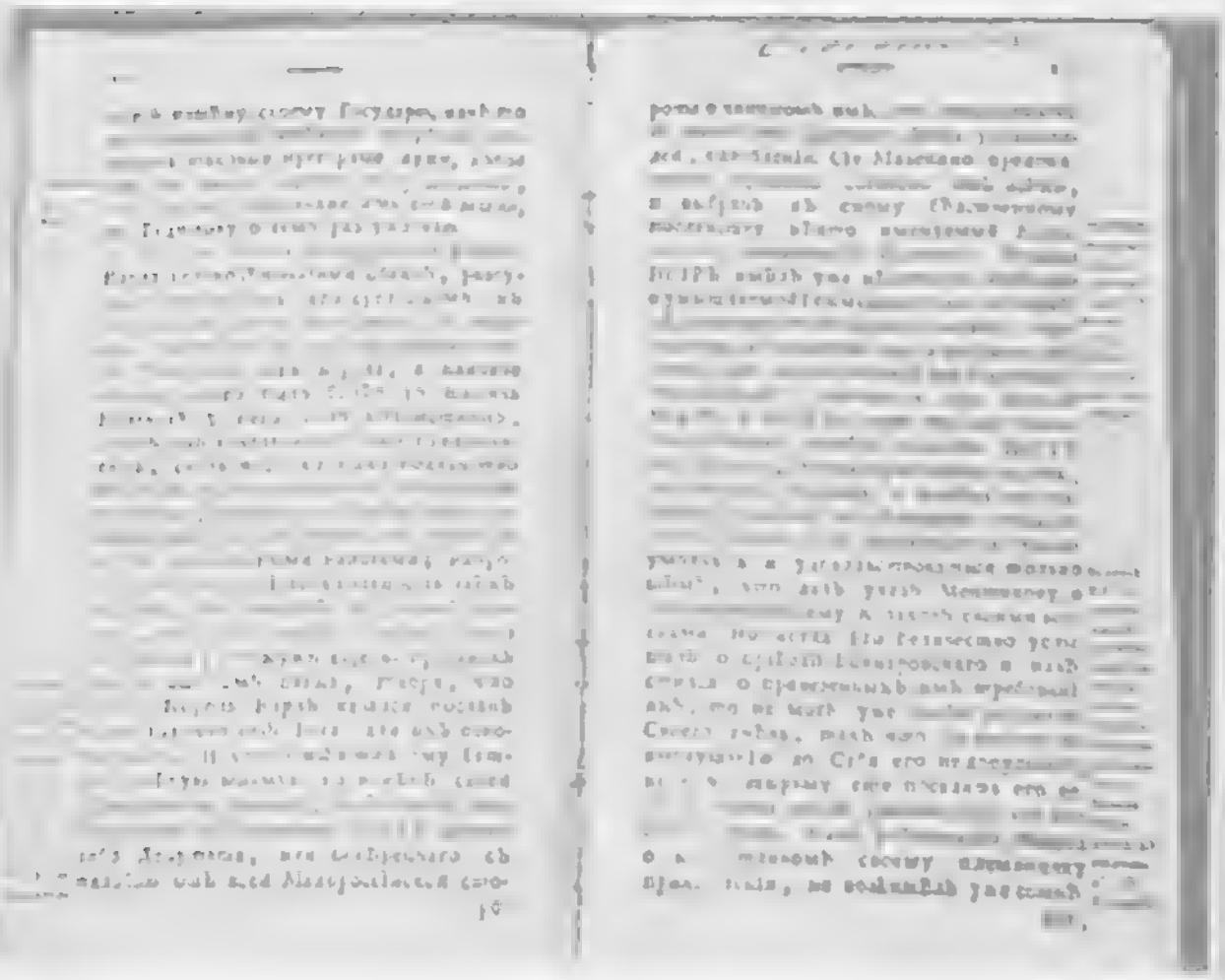
В сцене объяснения в любви Дмитрия и Софьи указывается на увлечение театром, читаются сцены из трагедии В. А. Озерова «Фингал». Близок Белинскому был и Н. И. Новиков, который выступал против тунеядства и предрассудков дворянства.

Мотив кровосмешения Белинский мог заимствовать из повести Н. М. Карамзина «Остров Борнгольм».

Из западно-европейских писателей наибольшее влияние имели на Белинского Вольтер и Шиллер. Драма «Разбойники» Шиллера представлена в экспозиции изданием 1793 г.

При всех своих драматургических слабостях трагедия Белинского «Дмитрий Калинин» на фоне массовой литературы того времени была явлением незаурядным. Однако она так и не дошла до читателя.

Белинский представил рукопись в цензурный комитет при Московском университете, ее рассматривал



Книга, принадлежавшая Г. Н. Белинскому,
с его автографом

цензор Л. А. Цветаев, который дал отрицательное заключение на заседании 30 января 1831 г. Драму было решено запретить, а рукопись оставить при делах комитета, где она пролежала в течение 60 лет, пока не была опубликована в «Сборнике любителей российской словесности на 1891 год».

«Не буду много распространяться; скажу только, что несмотря на то, что мой цензор в присутствии всех членов комитета расхвалил мое сочинение и мои таланты, как нельзя лучше, — оно признано было безнравственным, бесчестящим университет, и об нем составили журнал!» — сообщал родителям Белинский.

Белинский попал под подозрение, начальство следило за каждым его шагом. Не вызывали сочувствия ни взгляды талантливого студента, ни его независимая манера держаться, несмотря на бедность и трудное положение.

К тому же он сильно расстроил свое слабое от природы здоровье, находясь на казенном коште. В сентябре 1832 г. он был исключен из университета. В письме матери от 21 мая 1833 г. он пишет: «Я не буду говорить Вам о причинах моего выключения из университета: отчасти собственные промахи и нерадение, а более всего долговременная болезнь и подлость одного толстого превосходительства. Ныне времена мудреные и тяжелые, подобные происшествия очень нередки».

Этим «толстым превосходительством» был Д. П. Голохвастов, помощник попечителя Московского университета. В «Журнале правления университета», представленном в экспозиции, говорится: «Согласно предложению г-на помощника попечителя находящихся на казенном содержании слушателя Сомова и студента Белинского уволить из университета». Причина исключения: «По слабому здоровью и притом по ограниченности способностей». История жестоко посмеялась над гонителями молодого Белинского.

Белинский оказался в ужасном положении, остался без куска хлеба, без крова, с совершенно расстроенным здоровьем. Помощи ждать было не от кого и неоткуда. О своей дальнейшей борьбе за существование он рассказывал: «Я перешел к Алексею Петровичу, купил один французский роман в 4 частях, к Рождеству с великими трудами, просиживая иногда напролет целые ночи, а во время дня не слезая с места, перевел его, в надежде приобрести рублей 300; но фортуна и тут прежестоко подшутила надо мною: в газетах было объявлено о другом переводе сего самого сочинения, и потому я едва, едва могу получить 100 рублей ассигнаци-

жии... Наконец в половине великого поста я познакомился с профессором Надеждиным и начал переводить в его журнал».

Роман Поля де Кока «Магдалина» в переводе В. Г. Белинского вышел в свет в 1833 г. Переводчик указан инициалами В. Б. Эта редкая теперь книга представлена в экспозиции.

«Я знаком с Надеждиным: перевожу в «Молву» и «Телескоп»; вот тебе перечень моих переводов. «Лейпцигская битва», «Изобретение азбуки», «Некоторые черты из жизни Доктора Свифта», «Последние минуты библиомана», «День в Калькутте» (№ 30 и 31), в «Телескопе» будут помещены «Письмо о музыке» и «О Бетической эпопее»... Перевожу также более из «Revue étrangère» («Иностранного обозрения»)», — пишет он К. Г. Белинскому 21 мая 1833 г.

Заработка от этих переводов хватало лишь на житье впроголодь, но неистового Виссариона ничто не могло сломить. Напротив, уверенность в собственных силах, надежда на будущее переполняют его. В письме матери от 20 сентября 1833 г. он говорит: «Я нигде и никогда не пропаду. Несмотря на все гонения жестокой судьбы — чистая совесть, уверенность в незаслуженности несчастий, несколько ума, порядочный запас опытности, а более всего некоторая твердость в характере не дадут мне погибнуть. Не только не жалуюсь на мои несчастия, но еще радуюсь им: собственным опытом узнал я, что школа несчастия есть самая лучшая школа. Будущее не страшит меня».

Через год после этих строк в журнале «Молва» появилась статья «Литературные мечтания», резко отрицавшая достижения русской литературы и намечавшая новые пути для нее. С этой статьи началась история русской научной литературной критики.

[illegible]

„Роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией. А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что это означает, пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов; пусть подумает о том всемирном значении, которое приобретает теперь русская литература»[58]

В. И. ЛЕНИН

Исключенный из университета, Белинский быстро становится профессиональным литератором. Огромным трудом и яростной целеустремленностью он вскоре добивается заметного места в литературной критике.

Его творческое наследие огромно. Полное собрание сочинений, изданное Академией наук СССР в 1953—1959 гг., насчитывает тринадцать томов. Оно представлено во вступительном разделе экспозиции. Тут же показаны сотни произведений В. Г. Белинского разных лет выпуска, начиная с 1859 г. (когда был снят запрет на них) и по настоящее время. Только за годы Советской власти его книги издавались миллионными тиражами.

Личность Белинского и его творчество неизменно привлекали к себе внимание художников, исследовате-

* Раздел [illegible] Н. А. Гер[illegible]

лей-литературоведов, ученых, писателей. Обаятельный образ мыслителя создал в 1871 г. в скульптуре выдающийся русский художник Н. Н. Ге. Бюст Белинского рядом с его трудами и книгами о нем — олицетворение личности и дел критика, его значения для всех времен.

Борьба за утверждение идей Белинского была длительной и упорной. Имя его долго находилось под запретом, цензурным гонениям сочинения подвергались при жизни и после смерти критика. В 1851 г. члены цензурного комитета М. Корф, А. Голицын, В. Шереметьев представили Николаю I доклад о необходимости уничтожения 202 номеров журнала «Отечественные записки» за 1840—1843 гг. С согласия царя эти номера со статьями Белинского и Герцена уничтожили. Членов кружка Петрашевского приговорили к расстрелу, заменennому многолетней каторгой в Сибири только **за чтение «Письма к Гоголю».**

Но преследования не достигли цели. Соратники и последователи Белинского — Герцен, Некрасов, Чернышевский, Добролюбов, Салтыков-Щедрин, Плеханов — отстояли и защитили его наследие, распространили среди широких кругов демократической общественности его идеи. В феврале 1855 г. реакционный литератор, давний противник критика Н. И. Греч получил письмо за подписью Анастасия Белинского. Это имя повергло его в ужас. Анастасий, в переводе с греческого, означает «воскресший». Автором письма был Н. А. Добролюбов, который в новой исторической обстановке развил **и продолжил традиции своего учителя.**

В 1855 г. в лондонском сборнике «Полярная звезда» впервые опубликовали «Письмо к Гоголю» и отрывки из «Былого и думы», в которых А. И. Герцен воссоздал обаятельный образ своего друга и соратника.

В России в 1856 г. Н. Г. Чернышевский после восьмилетного перерыва упомянул имя Белинского в статье «Очерки гоголевского периода русской литературы».

В 1859—1862 гг. вышло собрание сочинений великого критика в двенадцати томах, которое Н. А. Добролюбов приветствовал следующими словами: «Что бы ни случилось с русской литературой, как бы пышно ни развилась она, Белинский всегда будет ее гордостью, ее славой, ее украшением».

В 1918 г. Совнаркомом за подписью В. И. Ленина издал постановление о сооружении памятников выдающимся деятелям культуры и борцам за освобождение трудящихся. Среди них было и имя Белинского, которого Г. В. Плеханов назвал «центральной фигурой во всем ходе развития русской общественной мысли».

«Литературные мечтания»

Творчество Белинского развивалось в трудное и сложное время. Царствование Николая I ознаменовалось, с одной стороны, самой жесточайшей реакцией, последовавшей вслед за подавлением восстания декабристов, а с другой — необычайным расцветом общественной мысли, литературы и искусства. Белинский воплотил в себе самые передовые тенденции. Противоречия его эпохи с исключительной показаны документально в контрасте. В 1834—1835 гг. в газетах «Русский инвалид» и «Северная пчела» были опубликованы указы о награждении высших сановников империи Бенкендорфа — Чернышева, Канкрина, Дубельта — орденами и земельными угодьями. Дворянство было довольно состоянием дел в государстве, и шеф жандармов Бенкендорф заявил: «Прошедшее России удивительно, ее настоящее более чем великолепно, что же касается ее будущего, — оно выше всего, что только может представить себе самое пылкое воображение...»

В это же время на страницах «Северной пчелы» систематически сообщалось о неурожаях во многих губерниях России, вследствие чего резко возрастали цены на хлеб, ухудшалось положение податных сословий, усиливалась эксплуатация крестьян и резко увеличивалось число их выступлений за освобождение от крепостной зависимости. Стихийные восстания подавлялись, на крестьян обрушивались репрессии.

Народ тянулся к знаниям, просвещению, но получал рескрипты царя об ограничении крепостных в получении образования.

Прогрессивные писатели и журналисты страдали от «чугунных» уставов о цензуре, изданных в 1826 и 1828 гг. В конце 20-х — 30-е гг. прекратили существование более десятка литературных и ученых журналов. Были запрещены «Европеец», «Московский телеграф», «Телескоп». Постоянно преследовалась цензурой статья Белинского, и он в отчаянии писал Боткину: «Не знаем, что и делать с цензурою — самая кнутобойная и калмыцкая!»

В начале 1830-х гг. министр просвещения С. С. Уваров разработал теорию «официальной народности», основами которой считались «самодержавие, православие и народность». Под третьим понятием подразумевалась незыблемость крепостного права. Цель своей политики этот «министр погашения и помрачения просвещения», как его назвал Белинский, определил следующими словами: «Если мне удастся отодвинуть Россию на 50 лет от того, что готовят ей теории, то я спокоен моей роли и умру спокойно». Но преследования и гонения не могли затормозить движения общества, в науке совершались открытия, развивалась философская мысль, появлялись высокохудожественные произведения, на новую ступень поднялись литературная критика и журналистика. Необходимость перемен была совершенно очевидна. Эта мысль четко и определенно

была сформулирована Белинским в письме к Боткину в 1841 г. «Вообще все общественные основания нашего времени требуют строжайшего пересмотра и коренной перестройки, что и будет рано или поздно»[58].

Уже в первые годы литературной деятельности для Белинского были характерны демократические взгляды на роль журналистики и литературы в целом, в них он видел могучее средство просвещения, образования. С марта 1833 г. он начал сотрудничать в изданиях Н. И. Надеждина как переводчик. Начинающий литератор придавал большое значение этой работе: «Мне кажется, что теперь именно и должна бы в нашей литературе быть эпоха переводов.. У нас только богатые люди, и притом живущие в столицах, могут пользоваться неисчерпаемыми сокровищами европейского гения»[59].

Нам известны девятнадцать переводов Белинского с французского языка.

В том же году Белинский подружился с членами кружка, во главе которого стал молодой и талантливый Николай Станкевич (в экспозиции находится его портрет). В кружок входили историк С. М. Строев, ученый-востоковед П. Я. Петров, поэты В. И. Красов, К. С. Аксаков, И. П. Клюшников. Позже к нему присоединились В. П. Боткин, М. А. Бакунин, Т. Н. Грановский, М. Н. Катков. Большинство из них получили систематическое образование, хорошо знали философию Канта, Шеллинга, Фихте и Гегеля. Белинский не раз высоко оценивал деятельность главы этого кружка: «Но подумай-ко о том, что был каждый из нас до встречи с Станкевичем или с людьми, возрожденными его духом, нам посчастливилось — вот и все»[60] или: «Ему я обязан всем, что есть во мне человеческого»[61].

Белинский сразу же снискал глубокое уважение и признание со стороны своих новых друзей. Он превосходил их силой и проницательностью ума, глубиной и

тонкостью эстетического чувства, а главное, острее других воспринимал ростки нового в жизни и идеологии эпохи. «В этом кружке, — вспоминал К. С. Аксаков, — вырабатывалось уже общее воззрение на Россию, на жизнь, на литературу, на мир — воззрение большею частью отрицательное. Искусственность российского классического патриотизма, претензии, напоминавшие нашу литературу, усилившаяся фабрикация стихов, неискренность печатного лиризма — все это породило справедливое желание простоты и искренности, породило сильное нападение на всякую фразу и эффект; и то и другое высказывалось в кружке Станкевича, быть может, впервые, как мнение целого общества людей»[1].

Эти настроения ярче всего выразил Белинский в своей программной статье. «Литературные мечтания» публиковались с сентября по декабрь 1834 г. в десяти номерах газеты «Молва» (представлены два подлинных экземпляра).

В экспозиции этот тематический раздел раскрывается на широком круге источников по истории русской литературы, ибо статья, по сути своей, написана как обзор русской литературы на всех ее этапах.

Автор наметил основные периоды развития русской литературы: ломоносовский (классицизм), карамзинский (сентиментализм, ранний романтизм), пушкинский (романтизм, начало реализма), дал оценку новейшим произведениям и подверг суду «творения» старых «гениев».

Белинский выступил выразителем взглядов демократических слоев русского общества, чувствуя свои их полномочным представителем. «Итак, я решилось быть органом нового общественного мнения; знаю, что это новое мнение имеет еще слишком много противников, но как бы то ни было, а истина дороже всех на свете авторитетов»[2].

Общий смысл статьи заключается в тезисе: лите-

ратура непременно должна быть народною, если хочет быть прочною и вечною». Подлинной народностью

подделке под лад песен и сказок

Защищая идею создания национальной и подлин-

Державин, Крылов, Грибоедов и Пушкин

ляет чувства ни цинизмом, ни грубостью, и в то же

зии, и только Кольцов познакомил нас с ним»[64].

Эту же истину критик решает и на негативных

Карандаш В. Г. Белинского и книги из его библиотек

уничтожена после появления статьи Белинского «Стихотворения В. Бенедиктова». Критик доказал, что стихи этого поэта оторваны от действительности, написаны вычурным языком, схематичны, в них не нашел он ни жизни, ни чувства, ни даже простого смысла.

Критик смело пошел против общего течения, повального увлечения модным поэтом.

Принципиальное значение имели статьи Белинского «Нечто о науке» и «О критике и литературных мнениях «Московского наблюдателя», опубликованные в журнале «Телескоп» в 1836 г. В первой из них основное место отведено разбору содержания самого распространенного в это время журнала «Библиотека для чтения», которым издавался под редакцией бойкого литературного деятеля О. И. Сенковского. Клеймился торгашеский дух, его угодничество перед «сильными мира», циничный тон, пустословие.

Вторая статья направлена против аристократического подхода к искусству известного критика С. П. Шевырева. Для Белинского были чужды и неприемлемы суждения Шевырева о важности «светского» и «светско-дамского» элемента в литературе.

Затрагивает эту тему материал, относящийся к оценке Белинским русской народной поэзии. В экспозиции представлены Древние русские стихотворения. М., 1804г., «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым и вторично изданные. М., 1818г., «Сказания русского народа, собранные Сахаровым. СПб., 1841г., а также рукопись работы критика «Общий взгляд на народную поэзию» и его статья «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым», напечатанная в 1841 г. в журнале «Отечественные записки». В 40-е гг. Белинского в произведениях народного творчества привлекали мотивы борьбы с крепостным правом с царскими чиновниками и прислужниками, вера в наступление счастливой жизни. Для него

были неприемлемы отражение косности и грубости крестьянского быта, темноты и невежества, религиозных предрассудков, которыми так восхищались апологеты доктрины «официальной народности» и славянофилы.

Отклики на статьи Белинского в «Телескопе» и «Молве» были многочисленны. Реакционеры Булгарин, Воейков, Шевырев, Ушаков в своих печатных органах отзывались о них враждебно. Представители передовой общественности — с одобрением. Пушкин в журнале «Современник» писал: «Он (Белинский) обличает талант, подающий большую надежду». И. И. Панаев сообщал Белинскому в письме: «Я подумал, прочитав Вашу критическую элегию: вот человек, который имеет все элементы для того, чтобы сделаться со временем критиком в полном значении этого слова».

Перед отъездом в Петербург. «Отечественные записки»

В 1836 г. в жизни и мировоззрении Белинского наступает значительный перелом. Он знакомится с М. А. Бакуниным, под влиянием которого вскоре приходит к так называемому «примирению с действительностью». В конце 1836 г. за публикацию «Философического письма» П. Я. Чаадаева был запрещен журнал «Телескоп».

После возвращения критика из поездки на Кавказ влияние Бакунина, превратно толковавшего философию Гегеля, на Белинского стало особенно сильным. Сам Белинский в письме Н. В. Станкевичу от 8 октября 1839 г. так рассказывает об этом: «Приезжаю в Москву с Кавказа, приезжает Бакунин... Летом просмотрел он философию религии и права Гегеля. Новый мир нам открылся. Сила есть право, а право есть сила... Я понял, что нет дикой материальной силы, нет владычества штыка и меча, нет произвола,.. и значение

всего отечества предстало мне в новом виде... Скоро «действительность» сделалось для меня равнозначительно слову «Бог»[64]. Изменилось отношение и оценка Белинским положения в России. В письме к Д. П. Иванову от 7 августа 1837 г. он пишет: «Россия еще дитя, для которого нужна нянька... Дать дитяти полную свободу — значит погубить его... В понятии нашего народа свобода есть воля, а воля озорничество. Не в парламент пошел бы освобожденный русский народ, а в кабак побежал бы он. Вся надежда России на просвещение, а не на перевороты, не на революции, не на конституции...»[65]

После запрещения «Телескопа» Белинский остался без работы, без средств к существованию, с расстроенным здоровьем. Весной 1837 г. он уехал на Кавказ лечиться минеральными водами. Здоровье его поправилось, но надежда на избавление от нужды не сбылась. В 1837 г. вышла в свет его книга «Основания русской грамматики», явившаяся значительным вкладом в развитие русского языкознания, но успеха она не имела.

Невозможность печататься сильно угнетала его кипучую натуру, рожденную для «печатных битв». Весной 1838 г. ненадолго появляется надежда на перемену к лучшему — его приглашают сотрудничать в журнале «Московский наблюдатель». Белинский становится его фактическим редактором и самым деятельным автором. За время чуть больше года на его страницах появляется более 130 статей и рецензий критика. Но из-за недостатка подписчиков издание журнала в середине 1839 г. прекратилось. Белинский вновь оказался без работы, и в октябре 1839 г. вынужден был переехать в Петербург, куда его уже неоднократно приглашал главный редактор журнала «Отечественные записки» А. А. Краевский.

В экспозиции — материалы, характеризующие двух издателей журнала — А. А. Краевского и В. Ф. Одоев-

ского, круг деятельности этих лиц, сыгравших большую роль в жизни Белинского.

Особый интерес представляет приблизительно воссозданная обстановка редакционной комнаты, помогающая лучше понять атмосферу, в которой приходилось работать критику.

В первые месяцы пребывания в Петербурге Белинский находился еще на позициях «примирения с действительностью», что наложило отпечаток на первые его статьи, опубликованные в «Отечественных записках», в том числе «Бородинскую годовщину» и «Горе от ума». Комедия в 4-х действиях в стихах Сочинение А. С. Грибоедова. Второе издание. СПб., 1839 г.».

С 1840—1841 гг. начинается постепенное освобождение Белинского от «примиренческих» настроений. Причинами этого он считал переезд в Петербург, знакомство с новыми сторонами русской жизни.

Белинский не просто отказывается от заблуждений. Он начинает активную борьбу против своей прежней позиции и ее сторонников. В октябре того же года он пишет: «Проклинаю мое гнусное стремление к примирению с гнусною действительностью! Да здравствует разум, да сгинет тьма! Для меня теперь человеческая личность выше истории, выше общества, выше человечества»[67].

Белинский объединил вокруг журнала все талантливые силы, сделал его самым лучшим изданием. Как бы ни были относительны возможности полной реализации творческих замыслов в «Отечественных записках», бесспорно, что этот журнал с приходом в него Белинского, взявшего на себя ведущие разделы, сыграл огромную роль не только в истории русской журналистики, в развитии литературных тенденций, но и в формировании литературных, общественных мнений, прогрессивного направления критической мысли в России.

Творчество Лермонтова, Пушкина, Гоголя в оценках Белинского

Сам Белинский завоевал громкую славу, стал непререкаемым авторитетом в литературном мире. «Статьи Белинского, — вспоминал А. И. Герцен, — судорожно ожидались молодежью в Москве и Петербурге с 25-го числа каждого месяца. Пять раз хаживали студенты в кофейные спрашивать, получены ли «Отечественные записки»; тяжелый номер рвали из рук в руки. — «Есть ли Белинского статья?» — «Есть». — И она поглощалась с лихорадочным сочувствием, со смехом, со спорами... и трех-четырех верований, уважений как не бывало»[6].

Именно к этому времени относятся его лучшие статьи, в которых он разбирает творчество Пушкина, Лермонтова, Гоголя, а также Грибоедова. Величайшие произведения, вышедшие из-под их пера, определили и весь ход движения русской литературы, наметили пути ее дальнейшего развития, что было так своевременно, активно и талантливо поднято на щит Белинским.

Даже критики, не во всем согласные с Белинским, как Аполлон Григорьев с его славянофильскими симпатиями, признавали неразрывность деятельности «неистового Виссариона» с достижениями великих русских писателей. «Имя Белинского, как плющ, обросло четыре поэтических венца, четыре великих и славных имени... сплелось с ними так, что говоря о них как об источниках современного литературного движения, — постоянно бываешь поставлен в необходимость говорить и о нем. Высокий удел, данный судьбою немногим из критиков»[7].

Сложные и актуальные проблемы действительности, затронутые в произведениях Пушкина, Лермонтова, Гоголя, особенно привлекали критика.

Важное значение в этот период для духовного прозрения Белинского имело творчество только что стано-

вившегося знаменитым Лермонтова. Его остро гражданская и одухотворенная поэзия противоречила настроениям «примирения с действительностью» и побуждала Белинского к пересмотру своих ошибочных взглядов. «Лермонтов втягивал Белинского в борьбу с собой» и вышел победителем. Белинский еще восторженнее писал о поэте. В 1840 г. вышел в свет роман «Герой нашего времени», первое издание которого представлено в экспозиции. Вокруг этого произведения развернулась острая полемика. Представители реакционной критики упрекали Лермонтова в том, что он сделал героем своего романа безнравственного человека. С особой ненавистью нападал на автора романа С. А. Бурачек, издатель журнала «Маяк». Он доказывал, что Печорин — это «эстетическая и психологическая нелепость». Критик «Москвитянина» С. П. Шевырев был убежден, что русская действительность не могла породить такого «пигмея зла», как Печорин. Появление этого героя он объяснял влиянием на Лермонтова «разлагающейся» европейской жизни. Николай I писал своей жене: «Такие романы портят нравы и портят характер».

Белинский в двух статьях, напечатанных в 6 и 7 номерах «Отечественных записок» за 1840 г., назвал роман Лермонтова «грустной думой» о русской действительности, а Печорина — не выдуманным и не заимствованным у Запада героем, а порождением русской жизни. Он убедительно доказал, что Печорин — зеркало общественных недугов, незаурядная личность, его главная сила в беспощадном анализе поступков окружающих его людей и самого себя. Но в то же время главный герой романа не видит достойной для себя общественно-полезной деятельности, часто поступает как эгоист, холодный скептик. Печорин — это жертва и мучитель одновременно.

1840 год. Вышел в свет единственный прижизненный сборник «Стихотворений М. Лермонтова», также

представленный в экспозиции. В статье об этой книге Белинский изложил свое понимание связи поэта с обществом, в котором живет: «Чем выше поэт, — утверждал он, — тем больше принадлежит он обществу, среди которого родился, тем теснее связано развитие, направление и даже характер его таланта с историческим развитием общества»

И далее он сделал вывод: «Великий поэт, говоря о себе самом, о своем я, говорит об общем — о человечестве, ибо в его натуре лежит все, чем живет человечество» [71].

По мнению Белинского, эти качества поэзии Лермонтова дают ему право называться поэтом «народным в высшем и благороднейшем значении этого слова, поэтом, в котором выразился исторический момент русского общества».

Огромное значение для становления историко-литературной концепции Белинского имело творчество Пушкина, к разбору произведений которого он обращался на протяжении всей своей критической деятельности. В экспозиции представлены материалы, освещающие этапы развития взглядов критика на творчество поэта. В 20-е гг. наряду с восторженной оценкой гения Пушкина, с признанием его главой русской литературы третьего десятилетия XIX в., Белинский вместе с тем указывал на кратковременность пушкинского периода и писал о падении таланта Пушкина, о том, что «Борис Годунов» был последним великим его подвигом. Однако критик не терял надежды на возрождение таланта поэта: «Я верю, думаю, и мне отрадно верить и думать, что Пушкин подарит нас новыми созданиями, которые будут выше прежних»

Смерть Пушкина потрясла Белинского. С глубокой болью он пишет 4 февраля 1837 г. А. А. Краевскому: «Бедный Пушкин! Вот чем кончилось его поприще! Смерть Ленского в «Онегине» была пророчеством. Как

не хотелось верить что он равен — и смертельно, но «Пушкин уверил всех. Один истинный поэт был на Руси, и тот не совершил вполне своего призвания. Чудо понимали его при жизни, поймут ли теперь?»[73]

Новый просветитель Пушкину широкой читающей публике помог В. Г. Белинский.

Концентрированное выражение взглядов на русскую литературу, вершиной которой стало творчество Пушкина, нашло отражение в одиннадцати статьях о нем, напечатанных в «Отечественных записках» в 1843—1846 гг. Поводом явился выход первого посмертного, одиннадцатитомного собрания сочинений поэта (1838—1841 гг.).

Историю русской литературы допушкинского времени, начиная с эпохи Петра I, Белинский прослеживает в пяти статьях цикла. По его мнению, этот период характеризуется постепенным ростом, накапливанием самобытных народных элементов в поэзии, которые начинают регулировать характер подражания и бороться с готовыми заимствованными формами. В этом сложном диалектическом процессе борьбы национального содержания с «европейским оформлением» создается национальная форма.

Замечательными поэтами, творчество которых непосредственно вело к Пушкину, Белинский считал Жуковского и Батюшкова. «Что Жуковский сделал для содержания русской поэзии, то Батюшков сделал для ее формы: первый вдохнул в нее душу живу, второй дал ей красоту идеальной формы»[74]

Критик характеризует Пушкина как «поэта формы, поэта-художника», показав, что его назначение было завоевать, усвоить наследие русской земле поэзию, как искусство, так, чтоб русская поэзия имела потом возможность быть выражением и всякого направления, всякого содержания, не боясь перестать быть поэзией и перейти в рифмованную прозу»[75]

Вместе с тем он утверждал, что источник пушкинской поэзии «заключается уже не в одном безотчетном стремлении к поэзии, но в том, что почвою поэзии Пушкина была живая действительность и всегда плодотворная идея».

Критик особо подчеркнул: «Поэзия Пушкина удивительно верна русской действительности, изображает ли она русскую природу или русские характеры: на этом основании общий голос нарек его русским национальным, народным поэтом...» [76]

Вершиной творчества Пушкина был, по мнению Белинского, роман «Евгений Онегин», который стал «великим актом сознания русского общества», «энциклопедией русской жизни» и «в высшей степени народным произведением».

В заключительной, одиннадцатой статье критик предсказал то время, когда Пушкин «будет в России поэтом классическим, по творениям которого будут образовывать и развивать не только эстетическое, но и нравственное чувство» [77].

Раздел завершается темой «Белинский в борьбе за творчество Гоголя», «естественный талант» которого, по мнению критика, позволяет поставить его, как и Пушкина, рядом с «величайшими именами всех литератур».

Уже в «Литературных мечтаниях» Белинский отметил несомненное дарование начинающего писателя: «Господин Гоголь, так мило прикинувшийся Пасичником, принадлежит к числу необыкновенных талантов. Кому неизвестны его «Вечера на хуторе близ Диканьки»? Сколько в них остроумия, веселости, поэзии и народности? Дай бог, чтобы он вполне оправдал поданные им о себе надежды!» [78].

Надежды критика сбылись уже в следующем, 1835 г., когда в свет вышли сборники «Арабески» и «Миргород». В противовес реакционной критике в лице Сенковского и Булгарина, называвших Гоголя «гряз-

ным» писателем, наподобие Поля де Кока, Белинский провозгласил его «главою литературы, главою поэтов». Нужно было иметь гениальное эстетическое чутье, чтобы по достоинству оценить новаторство писателя, глубину и силу его творчества.

По мнению Белинского, отличительными чертами и особенностями повестей Гоголя являлись «простота вымысла, совершенная истина жизни, народность, оригинальность — все эти черты общие; потом комическое одушевление, всегда побеждаемое глубоким чувством грусти и уныния, — черта индивидуальная»[11].

В Гоголе критик видел художника, изображающего «нравы среднего сословия России». Он впервые заметил поэта, рисующего «картины жизни пустой ничтожной, во всей ее наготе, во всем ее чудовищном безобразии». Белинский доказал, что Гоголь «внес в нашу литературу новые элементы», с него «начинается новый период русской литературы»[12]. Белинский утверждал в сознании читателей мысль, что Гоголь «своими дивнохудожественными, глубоко истинными творениями могущественно содействовал самосознанию России».

Поэтому особая смысловая нагрузка в экспозиции ложится на подраздел «Борьба Белинского за поэму Гоголя «Мертвые души», материалы которой раскрывают не только активность и широту деятельности Белинского в защиту величайшего произведения, но и подчеркивают принципиальность критика в оценках литературных произведений, своих гражданских идей и взглядов на окружающую действительность.

С появлением поэмы на Гоголя обрушилась реакционная критика во главе с Гречем, Сенковским, Николаем Полевым.

Но ни эти открытые враги писателя представляли главную опасность. Их мнение уже мало что значило. Главную тяжесть борьбы Белинскому пришлось вынести с московскими «друзьями» Гоголя, славянофилом

К. С. Аксаковым и С. П. Шевыревым, которые не хотели замечать обличительного характера произведения Гоголя и старались истолковать его в духе «примирения с действительностью».

Вся вторая половина 1842 г. прошла у Белинского в борьбе с врагами и особенно тайными врагами «Мертвых душ», чему он посвятил на страницах «Отечественных записок» четыре больших статьи «Похождения Чичикова, или Мертвые души», «Несколько слов о поэме Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души», «Литературный разговор, подслушанный в гостиной», «Объяснение на объяснение по поводу поэмы Гоголя «Мертвые души». Сущность борьбы за книгу Гоголя Белинский объяснял как результат столкновения четырех начал с новейшим, как «битву двух эпох» и верил в победу прогресса: «Иначе и быть не может: свет победит тьму, просвещение победит невежество, справедливость победит гнусность, и железные дороги будут побеждены телеги и тройки»[81].

Этот раздел в тематической структуре экспозиции занимает особое место. Его материалы в первую очередь свидетельствуют о широте и многообразии деятельности Белинского-журналиста.

Театру он посвятил свыше 180 статей и рецензий, где выстроил концепцию роли и значения театра. Вершиной она совпала с мнениями А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя.

В экспозиции представлены многочисленные материалы о театральной жизни России второй половины XVIII – первой половины XIX вв.: виды театральных зданий Москвы и Петербурга, сцены постановок пьес, портреты известных актеров, журналы «Галатея», «Драматический вестник», «Северный вестник», «Цветник» с рецензиями на спектакли.

Страстный поклонник театрального искусства, Белинский уже в «Литературных мечтаниях» с надеждой писал: «О, как было бы хорошо, если бы у нас был свой, народный, русский театр!.. В самом деле — видеть на сцене всю Русь, с ее добром и злом, с ее высоким и смешным, слышать говорящими ее доблестных героев... видеть биение пульса ее могучей жизни...»[82].

Но мечта отличалась от действительности, и Белинскому во всех рецензиях и статьях приходилось отмечать необычайно низкий идейно-художественный уровень репертуара театров: «А русские пьесы — какое разнообразие! Пьесы исторические, пьесы патриотические, пьесы, переделанные из романов, из повестей, пьесы оригинальные, пьесы переведенные, пьесы, переведенные с французского на русские нравы!»[83].

Как и в литературе, в драматургии он прежде всего защищал идейную глубину и правдивое отражение жизни. Но этим требованиям ни в коей мере не отвечала драматургия Кукольника, Полевого, Ободовского, Булгарина и многих других авторов.

В 1838 г. в цензуру было представлено 659 драматических произведений, в 1839 г. — 493 и в 1843-м — 570! Такое обилие драматической «продукции» сильно возмущало Белинского: «Богатство нашей драматической литературы должно нас не радовать, а печалить. Пьес много, а посмотреть нечего».

Высокой оценки, по его мнению, заслуживали лишь драматические произведения Пушкина, Грибоедова, Гоголя — «Борис Годунов», «Горе от ума» и «Ревизор».

Из зарубежных драматургов он выделил Мольера и Шекспира. Появление «Гамлета» на московской сцене приветствовал восторженной статьей. «Каждое лицо Шекспира есть живой образ, не имеющий в себе ничего отвлеченного, но как бы взятый целиком и без всяких поправок и переделок из повседневной действительности», — писал критик.

Много внимания Белинский уделял мастерству артистов. «Я сценическое искусство почитаю творчеством, а актера самобытным творцом, а не рабом автора. Найдите двух великих сценических художников, гений которых был совершенно равен, дайте им играть одну и ту же роль, и вы увидите то же да не то... Актер дополняет своей игрою идею автора, и в этом-то дополнении состоит его творчество. Но этим оно и ограничивается. Из пылкого характера, созданного поэтом, актер не может и не имеет права сделать хладнокровного и наоборот».

Один из самых любимых актеров Белинского был П. С. Мочалов. Статьей в защиту Мочалова против Каратыгина начал Белинский свой путь театрального критика и некрологом о нем же, написанным накануне своей смерти, закончил его. Великому актеру Белинский посвятил одну из самых лучших своих статей «Мочалов в роли Гамлета».

Немало страниц в своих статьях и рецензиях Белинский посвятил творчеству М. С. Щепкина, в игре которого он нашел воплощение своего идеала, синтез всех достижений в театре. М. Щепкин, по мнению критика, «соединил в себе бурное и страстное вдохновение Мочалова с трудолюбием и строгой добросовестностью в изучении сценического дела Каратыгина», «талант и искусство», утверждение реализма на сцене. Все это позволило критику объявить Щепкина «истинно-великим актером».

Белинский заложил основы научной театральной критики, определил пути развития русского театра.

Революционный демократ

Этому разделу принадлежит одно из ведущих мест в тематической структуре всей экспозиции. В нем наиболее полно отражены идейные искания Белинско-

Посмертная маска В. Г. Белинского

го, в результате которых он окончательно утвердился **на позициях революционного демократизма.**

Многочисленные экспонаты дают представление о его титанической умственной работе в последние годы жи-

ции переустройства мира. В письме к Боткину от 8 сентября 1841 г. критик писал: «Итак, я теперь в новой крайности, — это идея социализма, которая стала для меня всею жизнью, бытием бытия, вопросом вопросов, альфою и омегою веры и знания. Все из нее, для нее и в ней. Она вопрос и решение вопроса... Отрицание — мой бог. В истории мои герои — разрушители старого — Лютер, Вольтер, энциклопедисты, террористы, Байрон («Каин») и т. п... Хочу золотого века... Но смешно и думать, что это может сделаться само собою, временем, без насильственных переворотов, без крови. Да и что кровь тысячей в сравнении с унижением и страданиями миллионов. Я все думал, что понимаю революцию — вздор — только начинаю понимать. Лучшего люди ничего не сделают»[84].

Утверждаясь на позициях революционного демократизма, Белинский развивает их в статьях «Парижские тайны» Рокэн Элена Сю, «Руководство к всеобщей истории Сочинение Фридриха Лоренца», «История Малороссии Н. Маркевича».

Он был не одинок в пропаганде революционно-демократических идей. Близкими Белинскому взглядами были статьи Герцена «Дилетантизм в науке» и «Письма об изучении природы».

В 40-е гг. особой остроты достигла борьба Белинского и Герцена против защитников теории «официальной народности» М. П. Погодина и С. П. Шевырева, а также и славянофилов, самыми последовательными выразителями взглядов которых являлись К. С. Аксаков, А. С. Хомяков, И. В. и П. В. Киреевские, Ю. Ф. Самарин.

Наиболее полно взгляды представителей теории «официальной народности» изложены в статьях Шевырева «Взгляд русского на образование Европы» и Погодина «Петр Великий», напечатанных в журнале «Москвитянин» в 1841 г.

В ответ на эти выступления Белинский поместил в 4 и 5 номерах журнала «Отечественные записки» за 1841 г. две статьи, содержавшие разбор сочинений И. И. Голикова и В. Бергмана о Петре Великом и Г. Котошихина о России в царствование Алексея Михайловича. Опираясь на факты русской истории, критик убедительно доказал несостоятельность точки зрения, общей в данном случае и для идеологов официальной народности, и для славянофилов, на роль Петра I. Патриархальности, естественной непосредственности сознания русского народа Белинский противопоставил прогрессивные достижения европейской культуры.

Шевырев пытался защищаться. В статье «Взгляд на современное направление русской литературы» он осмеял Белинского, изобразив его в виде «неистового бешеного рыцаря, в шлеме и забрале, с железным лбом и размашистою рукою, готового на всех и на все, и ни перед кем не ломающего шляпки». Ответом ему был уничтожающий памфлет «Педант», подписанный псевдонимом Петр Бульдогов. «Педант» произвел очень сильное впечатление в литературных кругах, авторитет Шевырева был уничтожен.

В статье «Тарантас. Путевые впечатления Соллогуба» графа В. А. Соллогуба, напечатанной в сороковом томе «Отечественных записок» в 1845 г., критик нанес сильный удар славянофильству в лице И. В. Киреевского, отождествленного с главным героем этого романа, носившим одинаковое с ним имя.

Практически все последующие годы жизни Белинского прошли под знаком борьбы с идеологией славянофильства и официальной народности. Лучшие русские писатели следовали призыву Белинского, читатели восторженно принимали их.

Резко упала популярность Марлинского, Сенковского, Кукольника, Н. Полевого, Булгарина, Греча. На

[illegible] в литературу вошли в [illegible] А. И. Герцен, Н. А. Некрасов, В. А. Соллогуб, В. И. Даль, Д. В. Григорович, И. И. Панаев, И. С. Тургенев. Образовавшееся литературное направление, известное под названием «натуральная школа». Этот термин был введен в обиход в январе 1846 г. Булгариным, вложившим в него сугубо отрицательный смысл. Придав ему совершенно иное значение, Белинский превратил это понятие в знамя борьбы за реализм и народность в литературе.

В 1844—1845 гг. Н. А. Некрасовым были изданы две части «Физиологии Петербурга», в которых приняли участие многие писатели новой школы. Белинскому принадлежит вступление к сборнику.

Победа гоголевского направления, развиваемого и отстаиваемого великим критиком, расширенного и углубленного им, была совершенно очевидной. Это направление сделалось столбовой дорогой русской литературы 1840-х годов.

Свидетельством еще большего успеха «натуральной школы» явился выход в свет в январе 1846 г. «Петербургского сборника», в котором поместили свои произведения Герцен, Достоевский, Тургенев, Некрасов, Одоевский, Майков, Панаев, Соллогуб. Здесь же был напечатан и литературно-критический очерк Белинского «Мысли и заметки о русской литературе». Лучшим произведением в «Петербургском сборнике» был первый роман Достоевского «Бедные люди», высоко оцененный Белинским, приветствовавшим молодого автора за то, что его муза «любит людей на чердаках и в подвалах» и говорит о них обитателям раззолоченных палат: «Ведь это тоже люди, ваши братья»[85].

Особенности нового литературного направления были подробно рассмотрены Белинским в статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года». «Если бы нас спросили, в чем состоит существеннейшая заслуга новой лите-

ратурной школы, — ни отвечали бы... — в том, что от высших идеалов человеческой природы и жизни она обратилась к так называемой «толпе», исключительно избрала ее своим героем, изучает ее с глубоким вниманием и знакомит ее с нею же самою».

Весной 1846 г. Белинский прекратил сотрудничество в «Отечественных записках». Основной причиной разрыва с издателем журнала явилось расхождение во взглядах, несовместимость мыслей революционного демократа и умеренного либерала.

С января 1847 г. критик начал работать в журнале «Современник», издававшемся его друзьями и соратниками Панаевым и Некрасовым.

Лучшей и последней, напечатанной в этом издании, была работа «Взгляд на русскую литературу 1847 года», в которой Белинский констатировал полную победу нового направления.

Наиболее отличительной стороной творчества Герцена Белинский считал «чувство гуманности». Гончаров охарактеризовал его как «поэт-художник. Талант его не первостепенный, но сильный, замечательный».

Обстоятельно и верно он объяснил причины успеха маленькой повести Тургенева «Хорь и Калиныч»: «...в ней автор зашел к народу с такой стороны, с какой до него к нему никто еще не заходил. С каким участием и добродушием автор описывает нам своих героев, как умеет он заставить читателей полюбить их от всей души». Русская литература XIX в. пошла по пути, указанному Белинским, по дороге реализма.

«Завещание» Белинского

В 1846 г. Белинский совершил большое путешествие по России. В экспозиции представлена карта европейской части с его маршрутом. «Я исколесил более двух тысяч верст, проехал Калугу, Тулу, Воронеж,

Курск, был на Коренной, в Харькове, Екатеринославе... Одессе», — писал Белинский жене 8 июля 1846 г. Позднее он посетил Николаев, Херсон, Симферополь, Севастополь. На всем пути знакомился с жизнью русских и украинских крестьян. Своей жене М. В. Белинской сообщал о новых творческих замыслах: «Из моей поездки хочу сделать статью. В голове планов бездна!».

Статья написана не была, но полученные впечатления нашли отражение при создании «завещания» критика — «Письма к Гоголю». Во время поездки Белинский узнал, насколько он был популярен в России: «...я просто изумлен, как имя мое везде известно и в каком оно почете у российской публики: этого мне и во сне не снилось». Белинский стремился и свой авторитет обратить на пользу пропаганде передовых идей. Глубочайшая принципиальность критика выразилась в его **знаменитом «Письме к Гоголю».**

В 1847 г. вышла в свет книга Н. В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями». Белинский посвятил ей обстоятельную рецензию, в которой, насколько позволяли цензурные условия, показал ее реакционную **сущность.**

Белинский выразил искреннее изумление, что из-под пера Гоголя вышла такая странная книга. Он считал, что она недостойна таланта писателя. Но Гоголь не понял Белинского и посчитал, что он обиделся лично, так как в книге были унизительные слова о литературной критике вообще. Писатель обратился с частным письмом к Белинскому, пытался оправдаться.

Белинский всегда был выше личных обид. Он думал об общественном благе. Для него выше всего было стремление нейтрализовать вредное воздействие книги Гоголя на общественное мнение. Ответом стало знаменитое «Письмо к Гоголю», написанное 15 июля 1847 г. Оно явилось манифестом революционной демократии и **завещанием критика.**

Окрестности города Белинского

В этом документе намечена программа русского освободительного движения на долгие годы вперед. «Самые живые, современные национальные потребности в России теперь: уничтожение крепостного права, отмещение телесного наказания, введение, по возможности, строгого выполнения хотя бы тех законов, которые уже есть»[1] — так сформулировал Белинский свое положительное кредо. Он выражал веру в светлое будущее страны: «Россия видит свое спасение не в мистицизме, не в аскетизме, не в пиэтизме, а в успехах цивилизации, **просвещения, гуманности».**

«Письмо» нашло горячий отклик в России, разошлось в десятках и сотнях списков, часть которых представлена в экспозиции.

В. И. Ленин высоко оценил и всю деятельность Белинского и «Письмо к Гоголю». В 1914 г. в работе «Из прошлого рабочей печати в России» он писал: «Предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении был еще при крепостном праве В. Г. Белинский. Его знаменитое «Письмо к Гоголю», подводившее итог литературной деятельности В. Г. Белинского, было одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати, сохранивших громадное живое значение и по сию пору» [85].

В сентябре 1847 г. Белинский из Германии, где он отдыхал, вернулся в Петербург и вскоре поселился в квартире на Лиговском проспекте. В завершающем разделе экспозиции частично представлена обстановка его рабочего кабинета.

Мемориальные вещи, декоративный и изобразительный материалы, документы, последние работы критика, напечатанные в «Современнике» (и рядом с этим вызов в жандармское управление), наглядно свидетельствуют о том, что смерть прервала не только деятельность замечательного человека, но и непрерывную, нескончаемую его борьбу за идеи прогресса.

В течение 40-х гг. Белинский тяжело болел туберкулезом легких. Поездки для лечения по югу России летом 1846 г., в Германию и Францию с мая по сентябрь 1847 г. положительных результатов не дали. По возвращении из-за границы осенью 1847 г. он простудился, болезнь быстро прогрессировала, и 26 мая 1948 г. он скончался.

В шестом номере журнала «Современник» появилось короткое сообщение о его смерти: «В Петербурге, 26 мая в 5 часов утра, после продолжительной болезни

скончался известный литератор Виссарион Григорьевич Белинский... Литература составляла исключительное его занятие и была для него единственным средством к существованию. Плоды его непрерывной осьмнадцатилетней деятельности весьма многочисленны. Без сомнения, невозможность прекратить занятия, при упадке сил, была одною из главных причин пагубного действия чахотки, которая при условиях более благоприятных, может быть, и не обнаружила бы столь решительного быстрого влияния, если взять в соображение лета покойного».

Обстановку накануне смерти Белинского с болью в душе характеризовал И. С. Тургенев: «Да! Он умер кстати и вовремя... А какие беды ожидали его, если б он остался жив! Известно, что полиция ежедневно справлялась о состоянии его здоровья, о ходе его агонии. От тяжких испытаний избавила его смерть».

Похоронили его на Волковом кладбище, в той его части, где находили себе приют бедняки. В приходорасходной книге церкви при кладбище 28 мая 1848 г. произвели запись: «Виссарион Григорьев Белинский. За копку могилы 1 руб. За катафал 2 руб. На храм 50 коп. За место по 5 разряду 5 руб.».

Жизненный путь его окончился, заветы остались в статьях.

Посетитель музея после осмотра экспозиции возвращается к его началу и снова видит огромное творческое наследие Белинского. Оно бессмертно.

[1] Нечаева В. С., В. Г. Белинский. Начало жизненного пути и литературной деятельности. 1811—1839. М., Изд-во АН СССР, 1949. Следует отметить также сборник статей и документов В. Г. Белинский, 1848—1948. Пензенское областное изд-во, 1948.

[2] Литературное наследство, т. 57. В. Г. Белинский. М., Изд-во АН СССР, 1951, с. 186.

[3] В. Г. Белинский в воспоминаниях современников. М., Художественная литература, 1977, с. 31. (Далее: В. Г. Белинский в воспоминаниях...)

[4] В. Г. Белинский в воспоминаниях..., с. 30—31.

[5] В. Г. Белинский в воспоминаниях..., с. 98.

[6] В. Г. Белинский в воспоминаниях..., с. 31.

[7] Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. XI. М., Изд-во АН СССР, 1953—1959, с. 393.

[8] Там же, т. V, с. 309—310.

[9] Там же, т. III, с. 206.

[10] Там же, т. IX, с. 470.

[11] Там же, т. I, с. 72.

[12] Там же, т. V, с. 441.

[13] Там же, т. X, с. 81.

[14] Там же, т. III, с. 207.

[15] Там же, т. III, с. 207.

[16] Там же, т. XI, с. 30.

[17] Нечаева В. С. В. Г. Белинский. Начало жизненного пути и литературной деятельности, с. 54.

[18] В. Г. Белинский. Сборник статей и документов к биографии великого критика. Под ред. проф. Н. Л. Бродского. Пензенское областное изд-во, 1948, с. 163.

[19] В. Г. Белинский в воспоминаниях..., с. 35—36.

[20] Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. I, с. 250—251.

[21] Там же, т. VI, с. 636.

[22] Там же, т. V, с. 547.

[23] Там же, т. I, с. 251.

[24] Там же, т. I, с. 56
[25] В. Г. Белинский. 1848—1948. Сборник статей и документов. 1948, с. 181
[26] Белинский В. Г. Поли. собр. соч., т. XI, с. 139.
[27] В. Г. Белинский в воспоминаниях..., с. 75.
[28] Белинский В. Г. Поли. собр. соч., т. IV, с. 341
[29] Там же, т. VII, с. 102.
[30] Там же, т. VII, с. 320.
[31] Там же, т. IV, с. 342
[32] В. Г. Белинский в воспоминаниях..., с. 72.
[33] Там же, с. 72.
[34] Там же, с. 73
[35] Белинский В. Г. Поли. собр. соч., т. II, с. 200
[36] Там же, т I, с. 86
[37] Там же, т I, с. 67.
[38] Там же, т. X, с. 361.
[39] Там же, т. IV, с. 34.
[40] Там же, т. IX, с. 687.
[41] Там же, т. VII, с. 144.
[42] Там же, т. V, с. 213.
[43] Там же, т. VIII, с. 519
[44] В. Г. Белинский в воспоминаниях..., с. 76
[45] Белинский В. Г. Поли. собр. соч., т. XI, с. 31
[46] Там же, т. III, с. 226
[47] Там же, т. I, с. 88
[48] Там же, т. VII, с. 368.
[49] Там же, т. XI, с. 143.
[50] Литературное наследство, т. 56. М., Изд-во АН СССР, 1950, с. 27
[51] Белинский В. Г. Поли. собр. соч., т. IV, с. 444.
[52] В. Г. Белинский в воспоминаниях..., с. 108—109
[53] Нечаева В. С. В. Г. Белинский. Начало жизненного пути и литературной деятельности, с. 307—327.
[54] Там же, с. 326.
[55] Белинский В. Г. Поли. собр. соч., т. I, с. 419.
[56] Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 6, с. 25.
[57] Белинский В. Г. Поли. собр. соч., т. XI, с. 581
[58] Там же, т. XII, с. 13

[59] Там же, т. I, с. 129—130.
[60] Там же, т. XI, с. 554.
[61] Там же, т. XI, с. 547.
[62] В. Г. Белинский в воспоминаниях современников. М., 1962, с. 129—130
[63] Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. I, с. 83.
[64] Там же, т. I, с. 389
[65] Там же, т. XI, с. 386—387
[66] Там же, т. XI, с. 148—149.
[67] Там же, т. XI, с. 556
[68] Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти томах, т. IX. М., 1956, с. 29.
[69] Белинский В. Г. Собр. соч., 1976, т. I, с. 622
[70] Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. IV, с. 502.
[71] Там же, т. IV, с. 521.
[72] Там же, т. I, с. 74
[73] Там же, т. XI, с. 129
[74] Там же, т. VII, с. 252.
[75] Там же, т. VII, с. 320
[76] Там же, т. VII, с. 332—333.
[77] Там же, т. VII, с. 579.
[78] Там же, т. I, с. 97.
[79] Там же, т. I, с. 290
[80] Там же, т. V, с. 567.
[81] Там же, т. VI, с. 429—430
[82] Там же, т. I, с. 80
[83] Там же, т. VIII, с. 538.
[84] Там же, т. XII, с. 66, 70, 72.
[85] Там же, т. IX, с. 554
[86] Там же, т. XII, с. 273
[87] Там же, т. X, с. 213
[88] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 94
[89] В. Г. Белинский в воспоминаниях ..., 1962, с. 511

СОДЕРЖАНИЕ

I. СЕМЬЯ БЕЛИНСКИХ 7
Приемная для больных 11
Кабинет Г. Н. Белинского 14
Гостиная 20
Столовая 26
Спальня 30
Буфетная 31
Детская 32
Кухня 39
Усадьба 41

II. ЮНОСТЬ НЕИСТОВОГО ВИССАРИОНА 44
Из истории Чембара и уезда 47
В уездном училище 53
В губернской гимназии 59
В Московском университете 73
Драма «Дмитрий Калинин». Изгнание из университета 84

III. «Я В МИРЕ БОЕЦ» 94
Борьба за В. Г. Белинского 95
«Литературные мечтания» 96
Перед отъездом в Петербург. «Отечественные записки» 103
Творчество Лермонтова, Пушкина, Гоголя в оценках Белинского 106
Выдающийся театральный критик 112
Революционный демократ 114
«Завещание» Белинского 119

Примечания 124

Валентин Павлович Арзамасцев
Евгений Александрович Грачев

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МУЗЕЙ-УСАДЬБА
В. Г. БЕЛИНСКОГО

Редактор
Л. Г. Зефиров

Фото цветные
С. Н. Волкова

Фото черно-белые
В. А. Косова

Художественный редактор
В. К. Бутенко

Художник
В. А. Карев

Технический редактор
Л. И. Борисова

Корректор
Е. В. Феклистова

ИБ № 1023

Сдано в набор 21.01.85. Подписано в печать 17.04.85. НГ04502. Формат 70×90¹/₃₂ Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 4,68. Усл. кр.-отт.10,24. Уч.-изд. л. 5,5. Заказ 4478.

Тираж 50 000 Цена 35 коп.

Приволжское книжное издательство. Пензенское отделение. Саратов, пл. Революции, 15.

Типография издательства «Коммунист». Саратов, ул. Волжская, 28.

1020157к

35 к.

САРАТОВ
ПРИВОЛЖСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1985